

Новейшая российская история: исследования и документы

**Notre Dame International Workshop
on the History of the Russian Revolution
College of Arts and Letters, University of Notre Dame**

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Vol. 13

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Bd. 13

E.V. Spektorskii

Memoirs

Riazan

2020

**Нотр-Дамский международный семинар
по истории Русской революции
Факультет гуманитарных и общественных наук,
Нотр-Дамский университет (США)**

**Новейшая российская история:
исследования и документы**

Том 13

Е.В. Спекторский

Воспоминания

Рязань

2020

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Editors

S. Lyandres, University of Notre Dame (USA)

P. Tribunskii, House of Russian Diaspora named after A. Solzhenitsyn / Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

D. Wulff, Higher School of Economics / Deutscher Akademischer Austauschdienst (Germany / Russia)

Editorial board

T. Emmons, Stanford University (USA)

G.M. Hamburg, Claremont McKenna College (USA)

M.D. Karpachev, Voronezh State University (Russia)

S.I. Mikhal'chenko, Bryansk State University (Russia)

Iu.A. Petrov, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

A. Walicki, University of Notre Dame / Polish Academy of Sciences (USA / Poland)

Новейшая российская история: исследования и документы

Редакторы серии:

Д. Вульф, Высшая школа экономики / Германская служба академических обменов (Германия / Россия)

С.М. Ляндрес, Нотр-Дамский университет (США)

П.А. Трибунский, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына / Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

Редакционный совет серии:

А. Валицкий, Нотр-Дамский университет / Польская Академия наук (США / Польша)

М.Д. Карпачев, Воронежский государственный университет (Россия)

С.И. Михальченко, Брянский государственный университет (Россия)

Ю.А. Петров, Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

Г.М. Хамбург, Колледж Клермонт Маккена (США)

Т. Эммонс, Стэнфордский университет (США)

Дитмар Вульф (Dietmar Wulff, 1955–2020)

Двенадцатого февраля 2020 г. в Санкт-Петербурге скоропостижно скончался наш многолетний коллега, редактор-основатель серии НРИИД Дитмар Вульф. Последние шесть лет Дитмар жил с семьей в Санкт-Петербурге, преподавал в департаменте истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в звании профессора практики и долгосрочного доцента Германской службы академических обменов (DAAD). Трудно выразить словами боль и горечь постигшей нас всех утраты. Российские и германские друзья и коллеги Дитмара уже не раз отмечали его многочисленные научные и организаторские заслуги, его исключительный преподавательский талант и на редкость внимательное, дружеское отношение ко всем без исключения студентам и аспирантам, с которыми ему приходилось сталкиваться на длинном профессиональном пути в Германии, России и США. Здесь мы хотели бы коснуться менее известной, но, пожалуй, не менее важной стороны деятельности Дитмара, которая связана с его участием в создании научной серии НРИИД.

Как известно, круг научных интересов и контактов Дитмара был обширен и разнообразен. Понимание им российских реалий 1990-х гг. и, что особенно важно, проблем, с которыми постоянно сталкивались историки в провинции, не имело себе равных среди зарубежных историков. Да и правильно ли называть Дитмара *зарубежным* историком? Его знание русской истории, его понимание русской культуры, погружение в русский быт были столь глубоки, что Дитмар ощущал себя одинаково комфортно как в родной Германии, так и в ставшей ему практически родной и душевно близкой России. Дитмар остро переживал практически повальное обнищание российского населения в 1990-е гг., но особенно сильно он реагировал на хроническое недофинансирование, коснувшееся наших коллег за пределами Москвы и Петербурга, а если быть более точным – всех тех, кто не имел доступа к тщательно оберегаемым академическим кормушкам. В те годы Дитмар часто бывал в России, из первых рук знал о положении дел, и именно это понимание, в сочетании с исключительными личными качествами Дитмара, в первую очередь его добротой, неугасающим оптимизмом и готовностью прийти на помощь коллегам и друзьям, подтолкнули его к мысли о необходимости создания особой научной серии, посвященной истории России XVIII–XX столетий. Способствовать публикации (и бесплатному распространению) исследований как раз непривилегированных историков и стало главной целью основанной Дитмаром (и автором этих строк) 20 лет назад серии НРИИД. Не вдаваясь в подробности многочисленных неудачных попыток заручиться финансовой поддержкой общеизвестных фондов в США и Германии, отметим, что только благодаря находчивости, предприимчивости и бескорыстности Дитмара нам удалось получить необходимые средства на публикацию первой монографии. И хотя по прошествии нескольких лет серия обрела наконец надежный источник финансирования, первые несколько монографий были изданы благодаря инициативе и активному материальному участию Дитмара. Причем были случаи, когда Дитмар выделял необходимые средства из своего собственного (порой весьма ограниченного) бюджета. Хотелось бы надеяться, что авторы опубликованных в серии НРИИД книг и их читатели сохранят память о ее редакторе-основателе, нашем дорогом друге и коллеге Дитмаре Вульфе.

Светлая ему память!

УДК 94(47)+929.82-94
ББК 63.3(2)5+6
С 71

Спекторский Е.В.

С 71 Воспоминания / Вступ. ст. С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко; подгот. текста, коммент. С.И. Михальченко; коммент. П.А. Трибунского. – Рязань, 2020. – 654 с., ил. – (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы». Т. 13).

ISBN 978-5-94473-020-6

Впервые публикуются мемуары Евгения Васильевича Спекторского (1875–1951), известного общественоведа, деятеля высшего образования конца XIX – первой половины XX в. В воспоминаниях много информации о жизни и быте жителей городов и территорий, где проходила жизнь ученого, о его пребывании в европейских странах в 1900–1910-е годы. Мемуарист уделяет серьезное внимание политической ситуации в России (в т. ч. в Царстве Польском) в конце XIX в. – 1917 г., на Украине в 1918–1919 гг., в Королевстве сербов, хорватов и словенцев и Чехословакии в 1920–1930-е гг. Спекторский подробно характеризует высшие учебные заведения, где ему довелось преподавать (Варшавский, Киевский, Белградский, Люблянский университеты, а также Русский юридический факультет в Праге). Воспоминания насыщены подробностями политической, научной, культурной деятельности, а также личной жизни академической и творческой элит как дореволюционной России, так и русской диаспоры за рубежом.

Издание будет интересно всем интересующимся историей России конца XIX – начала XX в., пореволюционной эмиграции.

Охраняется законом РФ об авторском праве и смежных правах. Воспроизведение всей книги или любой ее части (в том числе в электронном виде) без письменного разрешения издателя и редакторов серии запрещается. Попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-94473-020-6

- © Д. Вульф, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2020
© С.М. Ляндрес, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2020
© П.А. Трибунский, комментарии, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2020
© С.И. Михальченко, подготовка текста, вступительная статья, комментарии, 2020
© Е.В. Ткаченко, вступительная статья, 2020

С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко

Е.В. Спекторский: очерк жизни и научной деятельности*

Известное выражение В.О. Ключевского «В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли» лишь частично может быть применено к *curriculum vitae* Евгения Васильевича Спекторского. Ибо наряду с многочисленными оставленными им сочинениями по философии, социологии, праву, истории, литературоведению, наряду с традиционными для представителя академической среды защитами диссертаций и административным ростом, важнейшими событиями в его жизни вынужденно стали революции и войны, аресты и оккупации, бегства с насиженных мест и эмиграция. В биографии Спекторского ярко отразились все беды и ненастья первой половины XX века¹.

Евгений Васильевич Спекторский родился 3 октября ст.ст. 1875 года в г. Остроге Волынской губернии. Отец его, Василий Александрович, по окончании юридического факультета Киевского университета св. Владимира служил судебным следователем при Волынской уголовной палате, затем на той же должности в других регионах Малороссии, позже стал мировым судьей в г. Щучна Ломжинской губернии. Матерью Е.В. Спекторского была швейцарская подданная София Фридриховна Крафт. В семье Спекторских было четверо детей, все мальчики – Сергей, Александр, Евгений и Борис². По окончании с золотой медалью Радомской мужской гимназии Е.В. Спекторский в 1893 г. поступил – по стопам отца – на юридический факультет Варшавского университета, который успешно окончил в 1897 г.³

Учителями Спекторского в университете были выдающиеся профессора – Ф.И. Леонтович, Ф.Ф. Зигель и многие другие известные юристы и историки⁴. Непосредственным же руководителем стал профессор по кафедре государственного права, Александр Львович Блок. Ныне А.Л. Блок известен в основном как отец поэта А.А. Блока. Между тем, он сам был весьма серьезным ученым и ярким человеком⁵.

Характеризуя Блока, Спекторский позднее отмечал, что его учитель «стремился познать действительность во всей ее нередко неприглядной нагоде, без всяких <...> теоретических условностей. Он беспощадно разрушал логику

* Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00437.

доктрин, когда они не соответствовали очевидной логике действительности. Он предпочитал отказываться совсем от каких бы то ни было теорий, чем успокаиваться на теориях, не адекватных стихийному бытию. Он не признавал иной научной истины, кроме истины факта... В нем боролись моралист, художник и ученый. Воля влекла его к деятельности, чувство к созерцательной мечтательности, ум – к холодному наблюдению... Ближайшим результатом такой внутренней диалектики А.Л. была его глубокая, нередко беспощадная ирония»⁶. Как подчеркивал Спекторский, «Блок и в науке был не ремесленником, а артистом. В своей магистерской диссертации он подражал языку Флоберовой “Мадам Бовари”»⁷.

Спекторский свидетельствовал, что очень многому научился у А.Л. Блока. «В некоторых отношениях я и до сих пор остаюсь его учеником, – отмечал Спекторский. – Он углубил во мне вкус к философской стороне науки, <...> научил меня ценить Пушкина и всегда, даже в ученых трудах стремиться к изяществу стиля. Он же внушил мне, что у каждой мысли есть только одна сопутствующая ей форма выражения; и пока эта форма не найдена, мысль еще не изречена»⁸.

Отдельную страницу в биографии Спекторского представляют его личные отношения с профессором А.Л. Блоком, а через него – с его сыном, поэтом А.А. Блоком. Человек трудного характера, А.Л. Блок был в дружеских отношениях с очень небольшим количеством людей. Спекторский был среди них на одном из первых мест. Относясь к своему ученику с большим уважением, А.Л. Блок захотел познакомиться его с сыном.

Знакомство поэта со Спекторским состоялось весной 1905 года по инициативе А.Л. Блока. Последний писал 23 марта сыну: «На этих днях поехал в Петербург Евг. Вас. Спекторский – бывший ученик мой, а теперь доцент “энциклопедии” в Варшавском университете – и хотел быть, между прочим, у Тебя (отчасти по моей же инициативе). Чтобы избежать пустого и притом далекого визита, не уведомишь ли Ты его немедленно письмом: в какие дни или часы (преимущественно вечерние) удобнее Вам познакомиться и побеседовать (без всяких специальных от меня инструкций)»⁹.

Вскоре поэт сообщил в Варшаву: «Я познакомился с Е.В. Спекторским <...> Е.В. мне понравился, мы хорошо разговаривали. Он – милый»¹⁰.

Следующая встреча поэта и Спекторского произошла в 1908 г., когда последний сопровождал А.Л. Блока в Санкт-Петербург. Но наиболее тесное общение между ними относится к декабрьским дням 1909 г., когда поэт приезжал в Варшаву на похороны отца. Спекторский вспоминал: «Мы с ним возвращались с кладбища вдвоем в карете. Он жаловался мне, что его творчество иссякло. А я его утешал, что он только переживает благотельный кризис»¹¹. А.А. Блок пробыл в Варшаве 18 дней, этому периоду в его жизни было посвящено специальное исследование журналиста А. Галиса¹². Есть в нем и небольшой раздел о варшавском «чичероне» Блока – Спекторском¹³. Сам Блок писал в эти дни матери: «Чувствую нежность к Спекторскому, который тоже впервые является как-то по-новому»¹⁴.

Переписка Блока и Спекторского в последующие годы была нерегулярной и прекратилась уже в 1911 г. В этом году вышел в свет очерк Спекторского об А.Л. Блоке, который был подарен им поэту. К этому же времени относится

и последнее письмо Блока Спекторскому, датированное 12 декабря. Блок высоко оценил книгу, назвав ее «прекрасной», и сообщил, что направил ряд экземпляров в различные издания для рецензии. В это время поэт работал над поэмой об отце – «Возмездие», именно этим вызваны строки в письме: «Не чувствуя себя вправе рецензировать книгу (это было бы с моей стороны поступком дилетантским), я предпочитаю познакомить Вас с моими мыслями о том же предмете при помощи своих литературных работ. Надеюсь, что мне удастся представить на Ваш суд и мою “тень отца” и другую ее “апологию”, которая, увы, покажется кому-нибудь осуждением (без этого не обойтись), но будет для меня апологией, хотя и другого типа, чем Ваша, – “музыкальной” и, так сказать, “от противного”»¹⁵. После 1912 г. общение А.А. Блока и Спекторского не прекратилось, ученый, приезжая в столицу, бывал у Блоков¹⁶.

Спекторский вновь обратится к творчеству Блоков в эмиграции – в 1929 г. в издании «Россия и славянство» выйдет его статья «А.Л. Блок и его наукоучение» (№ 54), в 1932 г. в журнале «Ljubljanski zvon» (№ 1) – статья «Aleksander Blok», а годом позже в журнале «Српски књижевни гласник» (16 января 1933 г., с. 91–96) – статья «Песник Блок и њего отец».

Дихотомия Блоки–Спекторский сыграла свою роль, по предположению Д.Л. Быкова, в том, что живо интересовавшийся творчеством А.А. Блока (и, соответственно, знакомый с книгой Спекторского об А.Л. Блоке) Борис Пастернак назвал свою поэму о духовных исканиях интеллигенции «Спекторский»: «Фамилия “Спекторский” много говорила читателю в двадцатые годы – это был известный правовед, развивавший идею Блока-старшего о примате гуманитарных наук над естественными. Спекторский – не такая распространённая фамилия, чтобы проходить мимо этого совпадения, а у Пастернака значащие фамилии вообще встречаются сплошь и рядом»¹⁷.

Однако всё это будет значительно позже, а пока молодой Евгений Спекторский – выпускник Варшавского университета.

При окончании университета в Варшаве выпускник, представивший соответствующее сочинение (диссертацию), мог получить степень кандидата. (Эта первая академическая степень была оставлена после введения в действие устава 1884 г. только в Юрьевском и Варшавском университетах). Зародившийся на студенческой скамье интерес к вопросам теории (энциклопедии) права привел Спекторского к теме по истории правовых и политических учений (что, впрочем, объяснялось и интересами его руководителя, профессора Блока) – «Жан-Жак Руссо как политический мыслитель». Блок высоко оценил сочинение своего ученика: «Диссертация окончившего полный курс наук Евгения Спекторского была представлена сначала в виде курсовой студенческой работы, но заслуживала бы и золотой медали, если бы на нашем факультете предлагалась такая конкурсная тема, что на петербургском в нынешнем году, а именно – о политическом учении Руссо». Четвертого июня 1897 г. Спекторский был утвержден в степени кандидата прав¹⁸. Естественным, в этой связи, стоит рассматривать оставление его при кафедре государственного права для приготовления к профессорскому званию¹⁹.

Таким образом, влияние А.Л. Блока стало решающим в становлении Спекторского как ученого. Фактически, его главные сочинения окажутся во многом попыткой развития идей учителя, не реализованных в неоконченной А.Л. Блоком докторской диссертации.

Начало преподавательской деятельности Спекторского было связано с определенными проблемами. Девятого ноября 1902 г. подал в отставку профессор по кафедре истории русского права Ф.И. Леонтович. Хотя последние годы своего формального пребывания в университете он не столько реально читал лекции, сколько болел, его уход оказался неожиданностью для профессорской корпорации юридического факультета. Преемником по кафедре истории права должен был стать ученик Леонтовича, Ф.В. Тарановский. Тот, однако, к этому времени изменил свои интересы с исторических на теоретические, будучи преподавателем энциклопедии права, и не желал поэтому принять кафедру от Леонтовича. Между тем, формально был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре энциклопедии права Спекторский. Шестнадцатого ноября на заседании совета факультета развернулась дискуссия о дальнейшем преподавании этих дисциплин. Тарановский заявил, что он действительно занял кафедру энциклопедии права, причем для того, чтобы сохранить ее для Спекторского. Но, занимаясь преподаванием энциклопедии, он изменил свои научные симпатии и предпочел бы остаться преподавателем энциклопедии права, а не переходить на историю. Профессор А.Л. Блок в ответ на это заявил, что изменение научных интересов Тарановского совершенно случайно и произошло потому, что в последнее время он не имел научного общения с Леонтовичем, прежние же работы Тарановского посвящены истории права, и поэтому ему лучше занять историческую кафедру, а энциклопедию передать Спекторскому. В итоге, Тарановский, друживший со Спекторским, согласился перейти на кафедру истории русского права при условии, что энциклопедия будет отдана Спекторскому, который в тот момент был в заграничной командировке и не присутствовал на обсуждении²⁰.

Спекторский обратился из Берлина с прошением на имя ректора университета: «Осведомившись о постановлении юридического факультета Императорского Варшавского университета относительно перевода доцента Ф.В. Тарановского на кафедру истории русского права и предоставления мне освобождающейся таким образом кафедры энциклопедии и истории философии права, честь имею покорнейше просить ходатайства Вашего превосходительства перед Попечителем Варшавского учебного округа о назначении меня и.д. доцента по упомянутой выше кафедре энциклопедии и истории философии права. Отчеты о моих подготовительных к профессуре занятиях хранятся в университетском архиве. Кроме того, готовится к печатанию в апрельской книге Варшавских университетских известий посланная мною из Берлина работа: “К вопросу о систематизации в общественведении”»²¹.

По возвращении из-за границы Спекторский был назначен и.д. доцента по кафедре энциклопедии права с 1 августа 1903 г. и в течение 11 лет преподавал по этой кафедре²². После защиты в мае 1911 г. в Юрьевском университете магистерской диссертации, в сентябре того же года он был назначен экстраординарным профессором. Годы службы Спекторского в Варшаве пришлись на нелегкие времена для его alma mater. Русификаторская политика, проводившаяся имперским правительством все годы существования университета в Варшаве, к началу XX века стала приносить свои плоды. Уже через три месяца после начала в нем работы Спекторского университет был закрыт на полгода. В целом из одиннадцати лет службы Спекторского в Варшаве едва

ли не треть пришлось на различные общественные потрясения. Тем важнее подчеркнуть, что даже закрытие университета не привело к остановке научной работы Спекторского (а может быть, в какой-то степени способствовало ее успешному продвижению – не надо было отвлекаться на подготовку к занятиям)²³. Время, когда университет не работал, Спекторский тратил на многочисленные заграничные командировки – он работал в библиотеках Берлина, Гейдельберга, Марбурга, Парижа; путешествовал по Италии и Скандинавии.

Научная деятельность Спекторского в дореволюционный период вращалась в основном вокруг историко-социологических и философских проблем. Безусловное влияние на него оказал А.Л. Блок, прививший ученику широту взгляда на общество, с особым вниманием к истории теорий об обществе и государстве. В предисловии к своей магистерской диссертации Спекторский вспоминал, что, заинтересовавшись со студенческой скамьи обществоведением, он ставил перед собой ряд вопросов, на которые не находил ответов: «Что такое социология? Чем и как ей заниматься? Действительно ли это – социальная физика, открывающая, или по крайней мере могущая открыть, естественные законы человеческого общежития? Если да, каковы эти законы и как их искать и проверять?» И более того, «быть может, настоящей научной социологии еще нет. Быть может, она должна еще возникнуть. Но как же ей тогда возникнуть? Да и вообще возникнет ли она когда-нибудь?»²⁴.

На пути решения этих глобальных вопросов Спекторский прошел три этапа, о которых сам упоминал. Вначале он предполагал «справиться с ними или путем более или менее отрицательной критики тех или иных новейших попыток решения социологической проблемы по существу, или путем абстрактных и априорных методологических рассуждений»²⁵. К этому периоду относятся его работы «К вопросу о систематизации в обществоведении»²⁶, «Органическая теория общества»²⁷ и др.

Следующий этап был связан с увлечением неокантианством. Для российского обществоведения начало XX в. было временем почти повсеместного увлечения идеями И. Канта, что было реакцией на пресыщение позитивизмом. «Разумеется, речи не могло быть о полном возврате к предшествующему состоянию социальной науки. Наоборот, антипозитивистская реакция стремилась как раз подвести более глубокое философское основание под отрицание натурализма и естественнонаучных методов в социологии, пытаясь найти и обосновать другие специфические методы для гуманитарно-социальных наук. Именно по этому пути пошло неокантианство, противопоставляя авторитету Канта авторитет Канта»²⁸. Спекторский отмечал, что находился некоторое время под влиянием марбургской школы в лице ее представителей Г. Когена и П. Наторпа. По мнению исследователей философского наследия Спекторского В.В. и Л.В. Щегловых, к работам, написанным под воздействием неокантианства, следует отнести статьи «О задачах обществоведения»²⁹, «Из области чистой этики»³⁰ и особенно книгу «Очерки по философии общественных наук» (Варшава, 1907. Вып. 1: Общественные науки и теоретическая философия). Щегловы, впрочем, считают, что в этой книге уже чувствуется разочарование в идеях неокантианства³¹. Спекторский разочаровался в идеях марбургцев, поскольку «в своих рассуждениях о человеческом общежитии эта школа учит не столько о том, что есть, сколько о том,

чего нет, чего никогда не было, а может быть, никогда и не будет». Спекторский подчеркивал, что «с точки зрения нравственно должного, решительно и исключительно ею принятой, она нередко не объясняет, а просто отвергает эмпирически существе». Вывод Спекторского был следующим – от марбургской школы «нельзя ожидать прочной опоры в исследовании социологической проблемы как чего-то строго позитивного»³². Таким образом, он пришел к необходимости «генетического», т.е. исторического исследования социологических идей. В исторических изысканиях Спекторский обратился к наследию мыслителей XVII века, т.к., по его мнению, именно с них, а не с О. Конта, нужно начинать научную социологию. Он полагал, что в то время «физика впервые стала строгой и положительной наукой, и <...> успехи ее не могли не найти отголосков также и среди обществоведов. Первые итоги его изысканий были изложены в статьях «Физицизм в общественной философии XVII века»³³ и «Эдуард Вейгель, забытый рационалист XVII века»³⁴. И, наконец, в 1910 г. в Варшаве вышел первый том его исследования «Проблема социальной физики в XVII столетии», представленный к защите как магистерская диссертация по государственному праву (что, кстати, парадокс, ибо в книге очень мало юридического, но степеней по социологии тогда не существовало). Впрочем, как полагал Н.И. Кареев, хотя Спекторский и «дал необычайно ценную историю социологии», «большая часть труда посвящена вопросам чистой философии, научной методологии и психологии и лишь конец второго тома – специально “рациональной социологии” с подразделением ее на статику и динамику»³⁵. (Следует отметить, что название книги менялось в процессе написания: 1 сентября 1910 г. совет юридического факультета Варшавского университета согласился с просьбой Спекторского об изменении названия с «Кризис обществоведения в XVII столетии» на «Проблемы социальной физики в XVII столетии»³⁶).

Предметом исследования Спекторского, таким образом, стала «история целей, средств и результатов проблемы социальной физики в XVII веке». Первый том обнимал собой новое мировоззрение и новую теорию науки, второй – новое обществоведение. Спекторский подчеркивал, что он «не проповедует научного и философского рецидива» и «не провозглашает: “назад к XVII веку”». Напротив, он стремился «исправить установившееся по традиции неправильное понимание научных стремлений этого века и напомнить его своеобразную манеру мыслить и понимать»³⁷.

Выводы Спекторского были неутешительны: по его мнению, «обществоведам XVII века не удалось построить рациональной психологии и социологии, которая раскрывала бы механизм личной и публичной жизни человека с такой же ясностью и точностью, с какой возникающая тогда же механика в тесном смысле установила законы движения физических тел в пространстве. Это была очень крупная теоретическая неудача, – заключал Спекторский, – одна из самых крупных в истории наук. Неудача означала невозможность, или, по крайней мере, неумение, сделать из науки о человеке и его обществе науку самого высокого в методологическом отношении типа, именно рационального»³⁸.

Отношение современной ему науки к сочинению Спекторского было противоречивым: признавая, в целом, высокий уровень труда, лишь немногие авторы пошли далее упоминания его в обзорах философских сочинений (так

поступили, например, Э.Л. Радлов и Б.В. Яковенко³⁹). Высоко оценивал труд Спекторского один из основоположников социологии П.А. Сорокин: по его мнению, Спекторский внес «выдающийся вклад в “механистическую социологию”» в своем «монументальном труде»⁴⁰. По терминологии начала XX в., представители «механистической социологии» являлись «сторонниками научного монизма в смысле повсеместного господства одной и той же физической причинности». Они старались построить науку об обществе на основе «общего механистического миропонимания и показать, что в социальных процессах мы имеем только одну из областей приложения тех механических законов, которыми вообще управляется мир»⁴¹. Исследование Спекторского было отмечено Академией наук, которая присудила ему т.н. Ахматовскую премию (установленную в память тайного советника М.Н. Ахматова (1823–1891), завещавшего свой капитал Академии наук, и ежегодно присуждавшуюся начиная с 1909 года). Как следует из протоколов заседаний историко-филологического отделения Российской Академии наук, решение о присуждении премии было принято 20 ноября и оглашено 29 декабря 1918 г.^{41a} По замечанию самого номинанта, премия была присуждена ему в половинном размере, но из-за начавшейся войны деньги он не получил^{41b}.

В 1914 г. Спекторский перешел на работу в университет св. Владимира в Киеве. Причиной этому послужил ряд объективных и субъективных обстоятельств. Сам Спекторский в «Воспоминаниях» настаивал на чисто административных причинах: после освобождения кафедры энциклопедии права в Киеве министр народного просвещения Л.А. Кассо предоставил факультету возможность заместить ее по избранию. «Часть факультета выдвинула кандидатуру одесского профессора истории русского права А.Я. Шпакова, мотивируя это тем, что он киевлянин, и что у него есть дом в Киеве. Другая часть почему-то была против него. И вот в поисках другого кандидата мой бывший варшавский коллега Г.В. Демченко указал на меня. Многое зависело от влиятельного члена факультета М.Н. Ясинского. Проезжая через Берлин, где я тогда находился, он пожелал познакомиться со мною. Смотрины оказались для меня благоприятными. Ясинский стал поддерживать мою кандидатуру. И я был выбран, хотя и не единогласно»⁴². Однако, судя по переписке Спекторского, была и личная причина перехода – начавшаяся к тому времени связь между Евгением Васильевичем и Марией Константиновной Богатко, замужней матерью двоих детей, проживавшей в Киеве⁴³. Брак между ней (к тому времени овдовевшей) и Спекторским был зарегистрирован только летом 1918 года⁴⁴.

Спекторский приехал в университет св. Владимира, когда тот превратился в один из крупнейших центров науки в России. «Университет был средоточием передовой мысли в городе», – вспоминал учившийся в нем К.Г. Паустовский⁴⁵. Спекторский развернул в Киеве достаточно бурную деятельность. Не ограничиваясь преподаванием в университете, он по предложению В.В. Зеньковско-го стал во главе киевского Научно-философского общества, образованного 26 октября 1914 г. (в Варшаве он принимал активное участие в деятельности существовавшего при Варшавском университете Общества истории, филологии и права⁴⁶). К этому моменту в Киеве уже существовало Религиозно-философское общество, однако «направленность деятельности общества к 1914 г. перестала

удовлетворять тех из его членов, которые занимались не только философией религии, но и философией вообще», поэтому группа профессоров университета организовала другое общество, с более широкой платформой⁴⁷. «Отцами-основателями» общества были философы В.В. Зеньковский и Г.И. Якубанис, юрист Г.В. Демченко, искусствовед В.З. Завитневич, филолог С.И. Маслов и др.

Главным содержанием научной жизни Спекторского в это время становится подготовка к защите и защита докторской диссертации, в качестве которой он представил второй том исследования, ставшего главным достижением в дореволюционный период деятельности – «Проблема социальной физики в XVII столетии»⁴⁸. Три предшествующих года в периодической печати появлялись статьи Спекторского по теме диссертации⁴⁹. Наконец, к 1917 г. диссертация была готова. Местом защиты выбран Московский университет. Оценки книги, в целом, были достаточно высокими. Б.А. Кистяковский писал Спекторскому 26 февраля 1917 г.: «Не отдавайтесь во власть пессимистических настроений и разочарованию. Следы этого я нахожу в той *фразе* Вашей <...>, где Вы утверждаете, что многие считают что <...> второй том слабее первого. Не знаю, кого Вы при этом подразумеваете. Но я и все, с кем я беседовал о Вашей книге, считают второй том Вашего труда значительно выше первого. Еще недавно это положение обстоятельно доказывал в разговоре со мной Г.Г. Шпет»⁵⁰.

По мнению близкого друга Спекторского, Ф.В. Тарановского, «больше в ней истории протестантизма <...>, чем истории юридической и социальной науки, но последней, по моему мнению, вполне достаточно для диссертации на юридическом факультете»⁵¹. Особенности диссертации отмечал и его оппонент Н.Н. Алексеев: сравнивая свою научную работу с работой Спекторского, Алексеев замечал, что «устремления работ было разное – я стремился к обобщениям, он, напротив того, любил копаться в частности, в архивной пыли. Про нас острили: “Старый Спекторский и молодой Алексеев”. Научно он был похож на “полиисторов” XVI века, на Гроция или на Вейгела – огромная начитанность, остатки схоластических методов и среди этого блестящие новые интересные мысли»⁵².

Между тем, дата диспута откладывалась. Б.А. Кистяковский, взявшийся протезировать Спекторскому в ускорении даты диспута, беседовал в Москве с профессорами Н.Н. Алексеевым, Б.П. Вышеславцевым и П.И. Новгородцевым. Алексеев и Новгородцев готовы были проводить диспут «хоть через две недели» (после 16 марта – дата письма Кистяковского), дело было в неспешности Вышеславцева, который собирался назначить диспут только в следующем семестре (т.е. осенью)⁵³. В итоге настойчивость Кистяковского сыграла роль, и диспут состоялся 24 мая 1917 г.

«Диспут состоялся по традиции в богословской аудитории, – вспоминал Спекторский. – Но, ввиду революционного времени, публики было очень немного. Преобладали мои знакомые, эвакуированные из Варшавы педагоги. Был и А.А. Кизеветтер, с которым я тогда и познакомился. Я был во фраке А.А. Шимкевича (дальнего родственника Спекторского. – С.М., Е.Т.) и в черных штанах моего племянника Васи, перебравшегося с матерью и братом из Варшавы в Москву. Штаны были франтоватые, расширявшиеся книзу. И, как я заметил, это вызвало ехидные замечания у бывших на диспуте приват-доцентов. Председательствовал декан Тарасов. Первым оппонентом был

Новгородцев, вторым – его ученик Н.Н.Алексеев. Из публики никто не выступил. Вообще диспут сошел вяло. <...> В “Русских ведомостях” появился короткий отчет о моем диспуте. Совет московского университета утвердил меня в звании доктора государственного права. И временное правительство назначило меня ординарным профессором по занимавшейся мной кафедре»⁵⁴.

К моменту защиты Спекторский уже три недели был избранным деканом юридического факультета, после защиты диссертации Министерство народного просвещения утвердило его в этой должности⁵⁵. Седьмого сентября он был назначен ординарным профессором университета св. Владимира⁵⁶.

Между тем, высшим учебным заведениям все труднее было сохранять автономию и быть отстраненными от бурлящей вокруг жизни. Спекторский подчеркивал позднее, что «академическая жизнь была выбита из колеи»⁵⁷. С началом революционных событий и, особенно, Гражданской войны Киев вступил в один из сложнейших периодов своей истории, когда за три года власть в городе менялась 12 раз! (Некая киевская студентка записала в своем дневнике 6 февраля 1919 г.: «Вечные перемены власти могут с ума свести. Которое это у нас правительство, начиная с 1-го января 1917 г.? Царское, временное, рада, большевики, рада, гетман, директория, теперь снова большевики»⁵⁸). Студент университета тех лет (в будущем известный историк) Н. Полетика вспоминал: «Перенести это в течение трех лет было нелегко, ибо каждая смена власти сопровождалась артиллерийским и пулеметным обстрелом Киева (не говоря уже о ружейной и пулеметной перестрелке на улицах), ранениями и даже гибелью не только участников борьбы, но и мирного населения города»⁵⁹.

В таких сложных условиях Спекторский становится ректором университета св. Владимира. Избрание на совете состоялось 5 апреля 1918 г. 56 голосами «за», 7 – «против»⁶⁰. Спекторский оказался последним избранным ректором русского университета в Киеве. С немалым количеством проблем пришлось ему столкнуться на этом посту. В период немецкой оккупации Спекторский, как он иронизировал позднее, получил даже «тюремный ценз» – на несколько дней был заключен в Лукьяновскую тюрьму. Произошло это после убийства в Киеве фельдмаршала Г. фон Эйхгорна, когда немецкие оккупационные власти стали мести под одну гребенку хоть в чем-то им казавшимися подозрительными жителей города. Как вспоминал ученый уже в 1940-е годы, «я до сих пор не знаю, почему собственно меня арестовали. Говорили, будто на меня сделал донос уволенный мной смотритель клиники. Но он клятвенно это опровергал. И я думаю, что он не лгал. Возможно, что к этому приложили руку украинские шовинисты, желавшие при посредстве немцев убрать человека, довольно усиленно старавшегося сохранить русский университет. А возможно, что это было просто последствие доноса какого-нибудь мелкого сыщика, которому в впопыхах поверили. Я вспомнил, что, возвращаясь как-то вечером после факультетского заседания с Б.А. Кистяковским, мы говорили о положении на западном фронте. Страдавший в высокой степени русским недостатком слишком громко говорить на улице, Б.А. утверждал, что победа немцев бесспорна. Я ему возражал. И вот нас обогнал какой-то тип, повернулся, внимательно всмотрелся в наши лица и пошел дальше»⁶¹. После хлопот министра народного просвещения Н.П. Василенко и руководства университета Спекторского освободили.

Спекторский немало делал по устройству коллег-профессоров, которые бежали из революционной России на Украину, прятал у себя дома политических деятелей, например, П.И. Новгородцева. По воспоминаниям Н.Н. Алексеева, летом 1918 г., оказавшись в Киеве, он нанес визит Спекторскому. «Спекторский после первой радостной встречи сказал мне таинственно: “Переговорим о всем после, а теперь пойдем, вас хочет непременно видеть один ваш хороший знакомый”. Мы пошли на самый верх старинного здания Киевского Университета, в мансардный этаж с темными коридорами, постучали в какую-то дверцу, дверца отворилась, и я увидел в маленькой почти чердачной комнатке человека, которого сначала не признал. Всклоченные, длинные волосы, без бороды, но не брит. Черная щетина покрывала смуглое лицо, какие бывают у украинских овчаров или цыган, продававших на киевском рынке арбузы, одет в какую-то блузу и полотняные брюки. То был бежавший из Москвы и приговоренный там к смертной казни Новгородцев»⁶².

Во время правления украинских национальных властей (Центральной Рады, гетмана, петлюровцев) главной своей задачей Спекторский считал борьбу с украинизацией («главная и самая трудная моя задача состояла в том, чтобы содействовать сохранению русского университета в шовинистическом украинском государстве», а «задача моей внутренней политики состояла в том, чтобы поддерживать мир среди преподавателей и студентов»⁶³).

В феврале 1919 г. в Киев вновь вошли большевики. По воспоминаниям декана историко-филологического факультета Н.М. Бубнова, два молодых человека лет 25-ти 31 марта 1919 г. явились в университет и спросили ректора. Служитель, приняв их за студентов, предложил прийти к 11 часам, когда ректор обычно принимал студентов. Заявив, что они не студенты, а комиссары правительства Мицкун и Финкельштейн (тем самым смертельно напугав служителя), молодые люди прошли в кабинет ректора и предъявили ему приказ № 1 по университету. Приказ был составлен на основании приказа Наркомпроса. Должности ректора и проректора упразднились⁶⁴. «Бывший ректор объявлялся прикомандированным к Мицкуну. По совету коллег я принял эту функцию, чтобы в пределах возможного помогать университету», – позже вспоминал Спекторский.⁶⁵

Единственным периодом, который Спекторский расценивал как передышку, было трехмесячное денкинское правление в августе – октябре 1919 г. В это время Спекторский, наряду с восстановлением в должности ректора, стал исполнять обязанности попечителя Киевского учебного округа. Позже он с иронией отмечал, что в связи с тем, что большая часть вверенного ему округа была занята большевиками, он «фактически управлял почти исключительно киевскими учебными заведениями, а говоря совершенно точно, только своим письменным столом и подчиненной мне канцелярией»⁶⁶. Правда, он успел созвать совещание всех директоров и начальниц киевских учебных заведений, для того чтобы наладить возобновление нормальных учебных занятий, и поддержал директоров открытых к тому времени украинских учебных заведений в продолжении их деятельности. Правление добровольцев в Киеве было непродолжительным, в середине декабря они окончательно оставили город. Спекторский, как многие его коллеги по университету, решил в этот раз не оставаться в городе и бежать. «Все еще не верилось, что придется

уйти навсегда. Да и не было ни извозчиков, ни носильщиков. Поэтому мы взяли всего по пледу. Я надел на себя всего пару брюк и два пальто, летнее и зимнее. Жена впопыхах бросила в саквояж то, что она приняла за дюжину серебряных чайных ложек, и что в действительности оказалось завернутой в бумагу парой щипцов для орехов». Беглецы добирались до Одессы в течение двух недель в ужасных условиях. «Мы помещались, как сельди в бочке, в товарном вагоне, – вспоминал Спекторский. – <...> Кое у кого начинался тиф. Но больные крепились и, по возможности, притворялись здоровыми, чтобы не быть высаженными из вагона. Холод был ужасный. И моя буржуйка, плохо согревая вагон, отчаянно дымила, пока на одной станции мы не достали трубу. После долгих колебаний мы решили прорубить в крыше вагона дыру для трубы, о чем составили особый протокол за моей подписью. На каждой станции у нас хотели отобрать паровоз. Мы откупались и нанимали машиниста до следующей станции, расплачиваясь спиртом из имевшегося у продовольственных чинов запаса»⁶⁷. По дороге в Одессу Спекторский получил известие о своем назначении товарищем Главноуправляющего народным просвещением Особого совещания (т.е. фактически заместителем министра). Будучи человеком дисциплинированным, он по прибытии в Одессу даже пытался выехать в Ростов-на-Дону, где находилось денкинское правительство, для вступления в должность⁶⁸. Но наступление Красной армии изменило эти планы. Через месяц после первого бегства Спекторского ждало второе, теперь уже за границу. На английском пароходе «Рио-Пардо» он в составе 850 других беженцев убыл из Одессы под пушечную канонаду. Беженцы помещались в двух трюмах, мужском и женском. «Теснота была невероятная. Я спал, не раздеваясь, в вывезенных из Киева двойных брюках и двойном пальто, на узком столе, держа под руку, чтобы не свалиться, лежавшего рядом профессора П.В. Воронца», – вспоминал Спекторский⁶⁹. Тем не менее, покидая пароход в Греции, беженцы благодарили англичан за спасение от большевиков.

Евгений Васильевич Спекторский оказался в эмиграции в 1920 г. Наряду с тысячами своих современников, он нашел приют в недавно образованном Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. – Югославия)⁷⁰. КСХС стало одним из главных мест жительства русской эмиграции: помнившая о поддержке, оказываемой ей на протяжении многих лет Россией, Сербия не могла отказать русским беженцам. Как вспоминал эмигрант А.А. Заварин, «к русским как нации сербы относились хорошо. Русских называли “братча Руси”, т.е. “братья русские»; а Россию – “майка Русия”, т.е. “мать Россия”. Вообще, у сербов было большое сознание общеславянского происхождения. Но все же приходилось себя чувствовать чужим. Может быть, близким, даже любимым гостем, но все же чужим»⁷¹.

Спекторский был принят на службу в Белградский университет. Первоначально он, как и другие иностранные подданные, был оформлен на работу в качестве «гонорарного профессора» (совместителя-почасовика)⁷² по кафедре истории философии права. (Перевод русских профессоров в штат начался только с 1926 г., когда они смогли получать югославское подданство). Следует подчеркнуть, что юридическая специальность была очень популярна у студентов КСХС. Более трети всех студентов в стране были будущие юристы – «государство должно было готовить кадры для бюрократического аппарата».

Интересной особенностью Белградского университета было изучение права беднейшими студентами: так как посещение занятий не было обязательным, студенты зачастую появлялись в университете лишь ранним летом для сдачи экзаменов, постоянно проживая в деревнях⁷³.

Характерной чертой первой волны русской эмиграции XX в. (в отличие от второй и третьей) было стремление сохранить свою обособленность от образа жизни и – по возможности – от истеблишмента стран проживания⁷⁴. Отсюда – создание (или хотя бы попытка создания) многочисленных общественных организаций русских эмигрантов. Не остался в стороне от этого вида деятельности и Спекторский. Его опыт руководства факультетом и университетом в России здесь явно пригодился. Уже в апреле 1920 г. в Белграде образуется Общество русских ученых, через месяц председателем Общества был избран Спекторский⁷⁵. Вскоре общество объединяло около 90 человек. Однако политические разногласия не позволили долго сохранять единство, и в сентябре 1921 г. из Общества выделилась группа либеральной профессуры в количестве 20 человек во главе с заместителем Спекторского, Ф.В. Тарановским, создавшая т.н. Русскую академическую группу⁷⁶. (По мнению М. Раева, для Белграда был характерен известный консерватизм настроений профессуры, и либерально настроенная интеллигенция приживалась здесь с трудом⁷⁷). Спекторский, как сторонник более правых воззрений, остался во главе общества. В российской академической ойкумене Спекторский стал восприниматься как человек, реально могущий помочь в устройстве судеб преподавателей и студентов. Между тем, реальных рычагов влияния у Общества не было, но Спекторский не отказывал никому из просящих хотя бы в совете. Так, вскоре после образования Общества к нему обратилась за помощью группа бывших русских студентов, вынужденная работать на железной дороге в Болгарии и желающая продолжить образование⁷⁸, 29 августа 1921 г. он отвечал: «Вы можете попробовать устроиться в Софийском университете. По этому поводу спишитесь с председателем Софийской академической группы проф. Иваном Александровичем Базановым (София, университет). В Сербию попасть трудно из-за виз, которых вообще не дают, особенно русским, находящимся в Болгарии». Далее следовали адреса союзов русских студентов в Сербии и Чехословакии⁷⁹.

Спекторский жил в Белграде в стесненных условиях. После смерти жены в 1922 г. он ютился в маленькой съемной квартирке вместе с падчерицей, Александрой Мечиславовной Бринкен. Квартира на Стишкой улице (дом № 63) «состояла из двух крошечных комнат с чуланом через двор. Дверь первой комнаты открывалась прямо во двор. И через щель под нее зимой проникал снег. Она была так мала, что, если в ней двигалось одно лицо, то другому надо было выходить на двор или в другую комнату. Но эта вторая комната, в которой помещался я, была еще меньше. Она была так узка, что мимо походной железной кровати можно было пройти только бочком. В ней не было печки. И она была так сыра, что в ней все покрывалось зеленой плесенью. Но тогда в Белграде еще было так трудно найти квартиры, что даже и такое помещение считалось счастливой находкой»⁸⁰. Через несколько лет искать квартиры стало легче, так как Белград начал усиленно застраиваться.

Первый тур преподавательской и научной деятельности Спекторского в Белграде был непродолжительным. Причиной этому послужило как

нестабильное положение русской профессуры в сербских университетах⁸¹, так и, в первую очередь, приглашение от Учебной коллегии Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике подавать заявки на вакантное (после смерти П.И. Новгородцева) место профессора по кафедре истории философии права на Русском юридическом факультете в Праге⁸². «Я принял это приглашение, – вспоминал Спекторский, – потому что мне хотелось еще поработать в русском учебном заведении. Чешское министерство иностранных дел согласилось принять меня на “вольную вакансию”»⁸³.

В отличие от КСХС, в Чехословакии были образованы специальные русские учебные заведения. В Праге, как и в Париже, и в Харбине, соединились несколько факторов, позволившие их создать, – «наличие многочисленных и социально активных преподавательских и студенческих кадров; недостаток вакансий или иные препятствия для вхождения эмигрантов в систему иностранной науки и высшей школы; юридическая и организационная поддержка (или невмешательство) иностранных правительств; финансирование со стороны иностранных правительств или деловых кругов»⁸⁴. Среди таких вузов был и Русский юридический факультет. Работавший по российским дореволюционным программам, он ставил своей целью подготовку студентов к работе как в России (в случае их возвращения туда⁸⁵), так и в Чехословакии⁸⁶. В первую очередь, конечно, ставка делалась на Россию. Во вступительной речи при открытии факультета его основатель, известный русский юрист и общественный деятель П.И. Новгородцев, заявлял: «учреждая наш факультет, мы твердо верим, что приближается время, когда Россия с стихийной и неудержимой силой обратится к правовым началам, когда, истомленная и страдавшаяся, она придет к необходимости строить свое государственное и общественное бытие на строгих и точных началах права»⁸⁷. Наряду с учебными функциями, факультет выполнял и научные – там были оставленные при кафедрах (15 человек), принимались магистрантские экзамены и даже проводились диспуты по защите диссертаций⁸⁸.

Значительным отличием чехословацких реалий от ситуации в других странах было и осуществление так называемой «Русской акции» – масштабной помощи русской эмиграции, проводившейся руководством страны во главе с президентом Т.Г. Масариком⁸⁹.

Спекторский был рекомендован к избранию на вакантную кафедру известным юристом, профессором Н.Н. Алексеевым. Алексеев отметил, что «в современной русской философии права проф. Е.В. Спекторский занимает совершенно особое и выдающееся место <...> В своих исторических сочинениях Е.В. Спекторский не шел <...> чужими путями. Им был разработан материал доселе еще никем не исследованный. Это ставит Е.В. Спекторского в ряд *совершенно* оригинальных исследователей. Его научные работы изобилуют громадной, иногда изысканной начитанностью. Кроме своих сочинений, посвященных проблеме социальной физики, Е.В. Спекторский написал ряд других научных работ, как-то: изданные в Киеве лекции по энциклопедии права, книгу о Государстве и многочисленные статьи, напечатанные в различных журналах. Во всех этих работах Е.В. Спекторский обнаруживает немало обширных познаний и блестящий дар изложения. Он принадлежит к числу авторов, умеющих явно и с большим остроумием излагать отвлеченные

и сухие научные темы. Все это делает Е.В. Спекторского выдающимся ученым и одним из ученых представителей *современной* русской философии права). Особенным образом Алексеев подчеркивал, что «помимо больших лекторских дарований Е.В. Спекторский обнаружил, как известно, и выдающиеся административные способности *как* ректор университета св. Владимира в Киеве: он был не только искусным администратором, но и честным заступником русских национальных интересов, с твердостью проводящим свои взгляды *в жизнь*». Естественным после таких высоких оценок был вывод Алексеева: «привлечение Е.В. Спекторского в Прагу всегда было чрезвычайно желательным. Теперь же со смертью П.И. Новгородцева оно становится особенно необходимым. В лице Е.В. Спекторского освободившаяся за смертью П.И. Новгородцева кафедра истории философии права находит действительно достойного заместителя»⁹⁰. Отзыв был составлен 12 мая 1924 г., а уже 9 июня Спекторский благодарил факультет за избрание на искомую должность⁹¹.

Спекторский работал на факультете в 1924–1928 гг.⁹² Вначале он был только профессором, а в июне 1927 г., когда декан факультета Д.Д. Гримм уехал на работу в Тарту, Спекторский был избран деканом факультета⁹³. Как преподаватель он читал курсы лекций по истории философии права на втором курсе и по церковному праву на третьем. Кроме того, он читал курс истории политических учений (по сути, та же история философии права) в пражском Карловом университете на чешском языке⁹⁴, а также выступал с публичными лекциями⁹⁵ (обычно на них собиралось по 30–40 слушателей)⁹⁶. Вообще, Спекторский был одним из наиболее популярных лекторов в Праге. Чаще всего он выступал в пражском Русском историческом обществе. В 1924–1927 гг. он также являлся председателем Русской академической группы в Чехословакии, унаследовав пост от П.Б. Струве⁹⁷.

Именно в Праге Спекторским был издан его крупнейший труд, написанный в эмиграции, – «Христианство и культура». В нем ученый «последовательно рассматривает условия творческого развития и плодотворного влияния христианства на жизнь в философии, науке, искусстве, праве, экономике, в политической сфере»⁹⁸. Оценки этого труда современниками были диаметрально противоположными. И.А. Ильин назвал его «исчерпывающим и мудрым произведением» и горячо рекомендовал его читателям, интересующимся соответствующей проблематикой.⁹⁹ Напротив, рецензент книги эсер В. Архангельский разбор сочинения Спекторского завершил весьма суровым выводом: «Спекторский оказал плохую услугу христианству, лишая его героического духа. А его “христианская утопия” столь же мало полезна для дела возрождения современной культуры, как и книга для публики»¹⁰⁰. Противоречивы были оценки книги В.В. Зеньковским. Назвав в своем общем курсе философии книгу «малоценной»¹⁰¹, в специальном очерке, посвященном Спекторскому, Зеньковский отмечал, что «некоторые части в этом его исследовании разработаны блестяще. Изящно и в то же время глубоко, с превосходным знанием существа дела в разных видах культуры и с прекрасным учетом всей исторической реальности ведет Е. В. свой анализ – и сила, и правда, и несравненная высота христианства выступает у него с чрезвычайной ясностью. Весь исторический процесс, основные темы истории и все внутренние трения, тормозящие установление правды на земле, выступают

по-новому в таком освещении. «История не как стихийный процесс есть сотрудничество Божеству» – таков основной тезис Е.В., – и он-то и превращает у него философию культуры в богословие культуры. Христианство предстает перед читателями как душа культуры, как ее подлинно творческая сила, ибо, по слову Е.В., «настоящая идеология всякой культуры всегда религиозна»¹⁰².

Кроме этой книги, Спекторский опубликовал в Праге много небольших работ по истории и литературоведению (например, «Заветы Петра Велико-го»¹⁰³ и «Заветы Пушкина»¹⁰⁴), а также литографированный курс лекций по истории философии права¹⁰⁵.

К 1928 наметился кризис Русского юридического факультета. Жизнь русских студентов в Праге была непростой. «Объективно наши студенты были, конечно, несчастны, – свидетельствовал Спекторский. – Без родины, без семьи, без обеспеченного будущего, они ели чужой хлеб, за что их попрекали с разных сторон: социалисты – потому что они не были социалистами, чехи из России – потому что хотели получить в возмещение понесенных ими убытков суммы, шедшие на иждивение и т.д. Здоровье их было в неудовлетворительном состоянии. Очень велик был процент склонных к туберкулезу. За четыре года умерло 62 студента. Морально наши учащиеся с трудом оправлялись от недавно перенесенных потрясений»¹⁰⁶, количество их сокращалось, многие зачисленные на факультет его не оканчивали (всего из примерно 1100 зачисленных окончили 384 человека¹⁰⁷). С дипломом факультета было довольно трудно устроиться на работу. Н.О. Лосский вспоминал, что один из выпусков факультета, зная судьбу старших курсов, организовал курсы малярного дела, после чего выпускники поехали во Францию малярами¹⁰⁸.

Кроме того, начала сворачиваться «Русская акция»: правительство уменьшило выплаты, постепенно ограничиваясь только немногими писателями и деятелями искусства. В этих условиях Спекторский (по совету Ф.В. Тарановского¹⁰⁹) принимает решение о возвращении в Белград. Факультет, самостоятельное существование которого доживало последние месяцы, прощался с ним с сожалением. Тридцатого июня 1928 г. совет факультета принял по этому поводу специальное решение. При этом факультет просил принять «его глубокую благодарность за <...> ценную работу на посту сначала зам. декана, а затем декана факультета»¹¹⁰.

Сразу по возвращении в Белград Спекторский включился в работу по созданию Русского научного института, ставшего самым крупным научным учреждением российской эмиграции в Югославии. Первое организационное собрание состоялось уже 23 июня 1928 г. Председателем правления института был избран Спекторский. К тому времени Обществом русских ученых вместе с Русской академической группой был разработан проект устава института. Правительство КСХС утвердило бюджет института в размере 50 тыс. динар. Торжественное открытие института состоялось 16 сентября 1928 г. на проходившем в Белграде IV съезде русских академических организаций за границей, при этом в речи на открытии Спекторским были определены основные задачи этого заведения: «1) разработка научных проблем с применением русских методов и традиций; 2) изучение прошлого и настоящего России»¹¹¹. Кроме того, целью института являлась «подготовка молодых ученых и печатание научных трудов»¹¹².

Следует отметить, что институт успешно выполнил эти задачи¹¹³. В него в 1930-е гг. входило 50 действительных членов из числа русских ученых-эмигрантов и югославских профессоров, а также 48 (в 1938 г.) членов-сотрудников из числа молодых ученых. Пополнению кадров способствовала возможность подготовки их из числа стипендиатов в первые годы существования института. Институт издавал «Записки», всего вышло 17 выпусков. «Обычно номер состоял из статей объемом до трех печатных листов <...>, нечетные номера были посвящены гуманитарным наукам, четные – естественным и точным наукам. Центральное место занимали научные публикации, тематически связанные с Россией и Югославией. Вместе с тем этот журнал отражал состояние русской науки за рубежом в целом... Редакция заботилась о широком распространении журнала – он рассылался по списку, включавшему 75 адресов русских заграничных университетов и различных академических организаций»¹¹⁴. Сам Спекторский несколько раз печатался в «Записках», здесь, в частности, был помещен его очерк о десятилетии Русского научного института и обширный некролог Ф.В. Тарановского.

Спекторский оставался во главе института всего два года. Уже в 1930 г. его сменил его заместитель и старый друг, Ф.В. Тарановский. Причина крылась в переезде Спекторского из Белграда в Любляну, где он получил кафедру в местном университете, обменявшись с сербом по национальности профессором Тасичем, обосновавшимся, в свою очередь, в Белграде¹¹⁵. В Любляне Спекторский прожил 15 лет, вплоть до 1945 г. В университете он преподавал конституционное право, церковное право, историю философии права, введение в социологию¹¹⁶. По свидетельству Н.Н. Алексеева, Спекторский пользовался большой популярностью и любовью студентов¹¹⁷. Сам Спекторский отмечал, что «студенты нашего факультета учились старательно и были почтительны. Когда профессор входил в аудиторию, они все вставали». Правда, Спекторский самокритично сетовал, что, пока он преподавал государственное право, ему «не удавалось так расшевелить участников моего семинара, чтобы заставить их представлять собственные рефераты. И я ограничился толкованием конституции и репетиториумом. Но, когда я стал преподавать первокурсникам введение в социологию, у меня появилась, как я выражался, гвардия. Нашлись студенты, Комар, Бонач и другие, которые обнаружили хорошее образование и большой интерес к научным, особенно к философским проблемам. Интерес гвардии воодушевлял и меня. И занятия на семинаре протекали очень живо»¹¹⁸. Один из этих студентов, Владимир Бонач, сыграет позднее выдающуюся роль в спасении текста «Воспоминаний» Спекторского¹¹⁹.

В Любляне Спекторский стал председателем словенского Общества философии права и социологии и председателем культурно-просветительской организации «Русская Матица». Традиция организации «матиц» в славянских землях уходит в позднее средневековье. Слово «матица» означает «пчелиная матка». Матицы были национально-культурными обществами, которые собирали вокруг себя литературные и научные силы данного народа. Соответственно, существовали Сербская, Словенская и др. матицы. «Русская матица» («дитя славянской беды», по выражению ее основателя А.Д. Билимовича) была основана в Любляне в 1924 г. (устав утвержден 30 апреля), а первое заседание состоялось 25 мая¹²⁰. Заслугой матицы следует признать распространение знаний о России через чтение публичных лекций, издание книг.

Словенский период стал весьма плодотворным и в научном отношении. Спекторский опубликовал несколько сотен статей и рецензий, в большей степени на сербском и словенском языках¹²¹. Наиболее крупным исследованием была «История социальной философии» в двух томах на словенском языке¹²². По-русски Спекторский публиковал в основном брошюры, причем тематика их была достаточно широкой – здесь и исследование внешней политики России («Принципы европейской политики России в XIX и XX веках» (Любляна, 1936)), и продолжение изучения течений общественной мысли («Либерализм» (Белград, 1935)). Но наиболее фундаментальным сочинением Спекторского 1930-х гг. на русском языке следует считать историю университета св. Владимира, подготовленную им к 100-летию вуза. Отсутствие доступа к архивам, конечно, не позволило создать полную историю. Особую ценность придает этому сочинению участие автора в описываемых событиях, фактически книга носит полумемуарный характер¹²³.

Кроме того, Спекторский принял участие в создании ценнейших «Материалов к библиографии русских ученых трудов за границей», выпущенных в Белграде в двух томах в 1930–1941 гг. и до сих пор остающихся главным библиографическим справочником сочинений русской научной эмиграции. «Много возни мне доставило редактирование вышедшего в 1931 году первого тома “Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом”, – вспоминал Спекторский. – Я обращался к авторам иногда по несколько раз. Многие ничего не отвечали или обещали прислать о себе сведения и забывали об этом. Парижский академический союз отнесся почему-то недружелюбно к этому начинанию. И большинство его членов не сообщило данных о своих работах. Не прислал о себе данных и Милюков, хотя я писал ему и лично как ученому, и как председателю союза. Но, если бы работы левых ученых не были упомянуты, то, конечно, нас упрекнули бы в пристрастии. Поэтому мне пришлось самому собирать данные не только об успешных умереть в эмиграции ученых, но и о многих живых. Таких авторов из общего числа 472 оказалось 135. П.Б. Струве, несмотря на мои настойчивые и повторные просьбы, опоздал с сообщением сведений о себе и посему не попал на полагавшееся ему в алфавитном порядке место. Многие авторы, приславшие о себе данные, написали их так неразборчиво, что мне пришлось проделать нечто вроде Шампольоновой работы, чтобы разобрать их письмо. Это было тем труднее, что названия сочинений нередко относились к чуждым специальностям. И к тому же иные сочинения печатались на незнакомых языках: эстонском, литовском и т.п. Хотя в библиографическом сборнике было много недостатков, тем не менее, появление его было очень своевременным»¹²⁴.

Оценкой научной деятельности Спекторского стало награждение его орденом св. Саввы II-й степени и избрание 4 марта 1934 г. членом Сербской королевской Академии наук¹²⁵.

Политические взгляды Спекторского эмигрантского периода мало менялись со временем и были вполне антибольшевистскими. Вспоминая свои неприязненные чувства после знакомства с большевистским правлением весной 1919 г., Спекторский в 1940-е гг. писал: «Я и донныне остаюсь их решительным противником. И я не могу преодолеть чувства брезливости,

вызванное во мне как нашими соглашателями, так и теми европейцами, которые, мня себя передовыми, восхищаются одной из самых варварских реакций в мировой истории»¹²⁶.

Но его участие в деятельности тех или иных общественных организаций эмиграции, видимо, не выходило за пределы выступления с лекциями и опубликования статей на политические темы. Единственный факт организаторской деятельности Спекторского на политическом поприще установлен В.Д. Козлитиним: в 1921 г. профессора В.Д. Плетьев, А.Л. Погодин, Е.В. Спекторский и М.В. Челноков основали в Белграде Национально-демократическое общество. Его целью провозглашалась «организация демократических элементов эмиграционной России путем объединения обществ, учреждений и лиц для активного сопротивления как резко левым, так и правым партиям». В состав общества вошли «представительство Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, Российского общества Красного Креста, Общеказачий союз, группа офицеров Генерального штаба и умеренно-правая организация под руководством Мельникова». По мнению Козлитина, «существование общества было скорее декларативным. Развернуть активную практическую деятельность ему не удалось»¹²⁷.

Сочинения Спекторского использовались в деятельности Национально-Трудового Союза Нового Поколения – радикальной национальной организации, возникшей в 1930 г. По воспоминаниям функционера НТСНП Б.В. Прянишникова, Спекторский оказал помощь новой организации книгами «Либерализм» и «Начала науки о государстве и обществе» (наряду с И.А. Ильным и А.Д. Билимовичем)¹²⁸.

Учебные пособия Спекторского по энциклопедии права и по государственному праву использовались для преподавания в 1940 г. на Военно-научных курсах в Праге¹²⁹.

В 1920-х годах Спекторский активно сотрудничал в периодической печати, в том числе с белградской газетой «Новое время» и с одной из главных газет русской эмиграции – редактируемым П.Б. Струве парижским «Возрождением». Спекторский состоял в переписке со Струве. Из письма от 24 марта 1926 г. видно, как внимательно он следил за ситуацией в Советской России. «Вчера мне сообщили со слов лица, побывавшего в России, очень утешительные сведения о росте антибольшевистского настроения среди населения», – писал он своему адресату¹³⁰. После переезда Струве в Белград общение между ними не прекратилось, переписка продолжалась вплоть до конца 1930-х гг.¹³¹ По данным составленной самим же Спекторским библиографии, им было опубликовано около 50 статей. Однако на политические темы всего несколько. В статье «Белое движение» Спекторский говорил, что жертвы, понесенные белыми, не напрасны и «на крови павших и замученных за Белое дело возродит возрождение нашей родины»¹³². Он откликнулся на смерть генерала П.Н. Врангеля, сочувственно оценив его роль в истории страны¹³³, а также на 10-летие его смерти¹³⁴ (в 1930-е гг. он состоял в переписке с матерью генерала баронессой М.Д. Врангель по поводу передачи ее архива в пражский Русский заграничный исторический архив)¹³⁵. В остальных случаях политические воззрения ученого лишь проскальзывали в научных и учебных публикациях.

Важными для Спекторского 1930-е годы оказались и в личном отношении – в 1937 г. он женился на Елизавете Михайловне Лютовой, эмигрировавшей

в 1920 г. из Крыма вместе с мужем-офицером, но к тому времени овдовевшей. Е.М. Лютова, будучи моложе мужа на 21 год, тем не менее оказалась очень близка ему по духу и впоследствии стойко переносила все лишения, выпавшие на их долю¹³⁶.

Серьезную обеспокоенность вызвало у Спекторского начало войны в Европе. После оккупации Чехии немцами он писал Г.В. Флоровскому: «Беспокоит меня судьба пражских коллег. Теперь очевидно, как был прав Крамарж, и как гибельна была для Чехии политика, которую вели Масарик и, особенно, Бенеш»¹³⁷.

С оккупацией Югославии в апреле 1941 г. положение русской эмиграции резко ухудшилось. «Вторая мировая война оборвала разом жизнь всех наших кружков и обществ», – вспоминала Л. Алексеева¹³⁸. На самом деле, как показал В.Д. Козлитин, ситуация была не столь однозначной: часть организаций продолжала работать, но, конечно, явное предпочтение отдавалось германофильским¹³⁹. Любляне на первых порах повезло больше остальных частей Югославии – на территории южной Словении была создана Люблянская провинция, 3 мая 1941 г. вошедшая в состав Италии. Причем «итальянизация населения была отложена на более далекий срок, поэтому отношение оккупационных сил к словенскому населению характеризовалось большей мягкостью по сравнению с немцами»¹⁴⁰, оккупировавшими северную Словению. Была разрешена деятельность театра и университета, продолжали выходить словенские журналы. Управлялась область краевым советом, куда вошли словенские деятели культуры и искусства. По воспоминаниям соратника Спекторского по люблянской эмиграции Н.М. Бубнова, «многие административные места заняты итальянцами, но итальянцы, в противоположности с немцами, не дают серьезно чувствовать своего господства. На вид, кажется, что все осталось по-старому. Словенский язык, разумеется, не исчез, и на улице никакого другого почти и не слышно. Только вывески переделаны на двуязычные. Наверху итальянские. Ниже – то же написано по-словенски. В школах, гимназиях и университетах преподавание производится по-словенски. Будущность пока не выясняется, но вряд ли в школах, гимназиях и в университетах все останется без перемен. Чиновники, в том числе и преподаватели, и профессора, оставлены на своих местах. Только жалование они получают от Италии»¹⁴¹. Относительно либеральный режим продержался недолго – с расширением партизанского движения уже в 1942 г. репрессии усилились, а после капитуляции Италии, в августе 1943 г., Любляна была оккупирована немцами¹⁴². Правда, немцы не столько сами стали управлять этой территорией, сколько поручили это местным коллаборационистам, создав из них правительство¹⁴³. В годы оккупации итальянцами Люблянский университет продолжал работать. В его архиве сохранились ежегодно возобновляемые прошения ректора университета на имя «Sua Eccellenza» (Его Превосходительства) Верховного Комиссара Провинции Любляна с просьбой продлить службу Спекторского еще на учебный год. Последнее разрешение датировано 14 октября 1943 г. В годы войны Спекторский читал курсы философии права, энциклопедии права и введение в социологию¹⁴⁴. С началом немецкой оккупации учебные занятия со студентами в университете прекратились. Это время было заполнено для Спекторского научной деятельностью (вышли в свет брошюры

«Социология и философия» и «Евразийство и большевизм»¹⁴⁵) и продолжением работы над «Воспоминаниями». Что касается общественно-политической деятельности, то она не вполне прослеживается по источникам. В послевоенном докладе Министерства госбезопасности Югославии, посвященном русской эмиграции, Е.В. Спекторский (наряду с А.Д. Билимовичем и некоторыми другими эмигрантами) назывался агентом гестапо, однако никаких доказательств этому в докладе не приводилось¹⁴⁶. Не удалось их найти и до сих пор.

Выезд русских эмигрантов-антикоммунистов из сербской части Югославии начался уже осенью 1944 г., с приближением к Белграду советской армии и войск И.Б. Тито. Многие из тех, кто остался в Белграде после взятия его советской армией, подверглись репрессиям¹⁴⁷. Освобождение же Словении от немцев произошло в результате наступления титовских войск только в мае 1945 г. «Летопись» (дневник) Спекторского за 1944–1945 г. показывает, что по мере приближения фронта к Любляне главной заботой становится спасение от налетов авиации. Слово «тревога» повторяется в записях едва ли не ежедневно. Тем не менее, даже в таких условиях Спекторский продолжал выполнять профессорские обязанности. Десятого апреля: «Два докторских экзамена: Премров¹⁴⁸ о переселенцах и Фелициан¹⁴⁹ о Карлейле. После экзамена Премров вынул из портфеля угощение: яблочный сидр и белые булочки с копченым мясом»¹⁵⁰.

Видимо, Спекторский рассчитывал на то, что Любляна будет занята англичанами. Пятого мая он пишет в дневнике: «Нет газет. – Говорят, что англичане через Подкорень (город в Словении на границе с Австрией. – С.М., Е.Т.) прошли в Корошку, что туда же из Любляны отправилось вчерашнее правительство вместе с политической полицией, и что югославянская полиция якобы уже подошла к Врхнике (21 километр от Любляны)». Последняя запись в «Летописи» датируется 6 мая: «По улице тянутся повозки крестьян, бегущих от партизанов <...> С вечера пальба». Дата следующего дня (7 мая) помечена, но дальше записи нет¹⁵¹. Видимо, к этому моменту надежды на англичан окончательно рухнули, и Спекторский в спешке покинул Любляну. Его отъезд, по свидетельству современников, напоминал бегство, в результате чего были оставлены до последнего времени числившиеся утраченными 1500-страничные «Воспоминания», ежедневная политическая запись, ведшаяся на протяжении 15 лет, и готовое к печати «Введение в социологию»¹⁵². Вместе с женой, пройдя часть дороги пешком, он перебрался в Италию, где стал одним из многих тысяч «ди-пи» (от англ. displaced persons – перемещенные лица). По сведениям А.Д. Билимовича, за 1945–1947 гг. Спекторские сменили девять лагерей¹⁵³. Сам Спекторский в письме Г.В. Вернадскому от 3 сентября 1945 г. писал о семи («один – на болоте под открытым небом»¹⁵⁴). По информации регистрационной карточки Спекторских из архива Международной службы розыска в Бад-Арользене – три: на территории знаменитой римской киностудии Cine Citta, в Бари и, наконец, на крайней оконечности Апеннинского полуострова, в местечке Леука (Санта-Мария-ди-Леука). В последнем они прожили с июля 1945 по июнь 1947 г.¹⁵⁵

Русские эмигранты оказались в Италии в достаточно тяжелых условиях. «Нас в комнате 16 человек, – сообщал Спекторский Вернадскому в указанном выше письме. – Нет ни освещения, ни стульев, ни столов. Спим на каменном полу без постельного белья. Питаемся из общего котла»¹⁵⁶. Но большие

проблемы, нежели бытовые условия, создавала висевшая дамокловым мечом возможность высылки (репатриации) в СССР. По договоренности, принятой лидерами великих держав на Ялтинской конференции, все советские граждане, оказавшиеся вне СССР в период войны, должны были быть возвращены туда. Эмигранты первой волны формально не попадали под действие этой договоренности, но реально это положение часто не соблюдалось¹⁵⁷. Главным желанием большинства эмигрантов было поэтому перебраться в третью страну, но удавалось это далеко не всем¹⁵⁸. Остаться же в Италии также было достаточно проблемно – находясь на стадии *Italia provvisoria* (переходной от фашизма к демократии), страна оказалась во власти левых, просоветских настроений, и отношение к эмигрантам-антикоммунистам там было недоброжелательным¹⁵⁹. Стоит отметить, что, находясь в лагере, Спекторский не остался в стороне от реалий итальянской политики: в единственной опубликованной в «дипийский» период статье «Правительство и власть» Спекторский, наряду с теоретическими размышлениями, выразил отношение к отказу социалиста П. Ненни занять министерский пост в едином с коммунистами правительстве¹⁶⁰.

Дипийская эпопея Спекторского длилась два года. Уже в сентябре 1945 г. он обратился к профессору Йельского университета Г.В. Вернадскому с просьбой посодействовать в переезде в США. Девятого ноября 1945 г. в письме Вернадскому он предложил вариант вызволения его из лагеря: «мой двоюродный племянник и Ваш ученик по пражскому факультету, ныне секретарь митрополита Евлогия игумен Савва Шимкевич сообщил мне, что при участии митрополита Анастасия и карпатского епископа Виталия в Америке предполагают открыть русский богословский институт. Если это реально, то я могу предложить свои услуги в качестве преподавателя философских дисциплин, а также церковного права, которое, как Вы помните, мы вместе с Вами преподавали в Праге после отъезда в Париж о. С.Н. Булгакова. Если Вы имеете касательство к этому делу, не откажите замолвить за меня словечко. Хотелось бы еще перед смертью поработать в русском учреждении и для русских»¹⁶¹. По воспоминаниям же В.В. Зеньковского, именно он способствовал выезду своего бывшего коллеги по Киевскому университету из лагеря. Зеньковский написал графине А.Л. Толстой в США о положении Спекторского¹⁶². Младшая дочь Л.Н. Толстого возглавляла Толстовский фонд, основанный в 1939 г. Главной целью фонда была помощь русским эмигрантам. После Второй мировой войны Толстая инициировала сбор информации обо всех русских, находящихся в лагерях ди-пи. Поскольку въехать в США было довольно сложно, то фонд готовил гарантийные письма на проживание и работу, а после получения дипийцем визы способствовал переезду в Америку¹⁶³. Двадцать третьего июня 1947 г. Спекторский прибыл вместе с женой в Нью-Йорк из Неаполя на корабле «Saturnia»¹⁶⁴.

Свято-Владимирская духовная академия, где начал преподавать ученый, была открыта Русской Православной Церковью За границей в 1938 г. как семинария. Переезд в США после Второй мировой войны группы русских профессоров (Н.О. Лосского, Г.В. Флоровского, Г.П. Федотова, Н.С. Арсеньева и Е.В. Спекторского) позволил преобразовать ее в академию¹⁶⁵. Первым ректором академии стал епископ Иоанн (Шаховской), также русский эмигрант. С 1947 по 1962 г. академия не имела собственного помещения, и занятия

проводились в здании Юнионистской духовной семинарии Колумбийского университета, на углу Бродвея и 121 улицы¹⁶⁶.

Переезд в США был спасением для Спекторского – теперь он мог посвящать время научной работе и преподаванию. Однако идеализировать жизнь русских эмигрантов «второй волны» в США не стоит. С 1946 по 1952 г. в США въехало около 150 тысяч бывших советских (и русских) граждан (из общего числа иммигрантов 434 тысячи человек), что создавало определенные проблемы в размещении и поисках работы¹⁶⁷. Несомненно, проблему создавал и возраст Спекторского – к моменту переезда ему было уже 72 года. Его современник, бывший ректор Московского университета М.М. Новиков, чья судьба похожа на судьбу Спекторского, вспоминал, что в Нью-Йорке «меня встретили приветливо, но сдержанно; они сразу дали мне понять, что по американским условиям 73-летний ученый рассматривается как конченный человек»¹⁶⁸. И.А. Ильин отмечал в письме к вел. кн. Владимиру Кирилловичу от 6 ноября 1950 г., что эмигранты «находятся в зависимости от той страны, которая дает им работу и которая их политически контролирует... Ученый, въехавший, например, в Соединенные Штаты, как бы “отдался в плен” и рад, если он может там хоть как-нибудь прокормиться, преподавая где-нибудь». При этом, «ученые естествоведы и техники... устроены хорошо: они осели прочно, отошли от политики... Ученые же гуманитарной специальности (историки, юристы, филологи, философы, экономисты) или совсем не устроены, или кормятся кое-каким трудом (уроками русского языка, переводами, поддержкой собственных детей или меценатов) – опасаясь всего» (везде курсив И.А. Ильина. – С.М., Е.Т.)¹⁶⁹. Спекторский преподавал дисциплины в предметной области, которая в последний период жизни была ему наиболее близка: христианскую этику¹⁷⁰, церковное право¹⁷¹. Кроме того, ежегодно разрабатывал новые спецкурсы по русской истории и литературе, читал публичные лекции. Студентами академии были в основном этнические русские или украинцы, но многие, даже большинство, утратили русский язык – по свидетельству Н.О. Лосского, из 42 студентов только шесть могли понимать лекции порусски¹⁷². Что касается спецкурсов, то их часто слушали всего несколько человек¹⁷³ (как писал И.А. Ильин, «прекрасный ученый и отнюдь не “левый”» Спекторский читал лекции «трем студентам украинцам на курсах епископа Иоанна Бруклинского (Шаховского. – С.М., Е.Т.), нисколько не соответствующего по своему образу мыслей и воззрениям Спекторскому»¹⁷⁴ (думается, что в последнем замечании Ильин ошибался).

Не прекращалась и научная деятельность Спекторского. После его смерти остались рукописи следующих работ: «Церковное право», «Опыт христианской этики и социологии», «Религиозные мотивы в русской литературе», «История русской литературы», «История русской социальной философии», «Эпохи русской культуры», «Поэт Блок», «Национальность и национализм», «Кризис Европы», «Три типа реальности», «Проблема будущего и христианство»¹⁷⁵. Часть из них была опубликована посмертно.

При жизни же автора в послевоенный период напечатаны были только четыре статьи: одна – в «дипийский» период («Правительство и власть», переиздана в 1968 г.), две – в журнале «Возрождение» в Париже (о Пушкине и Чаадаеве) и статья «Христианство и мир» в сборнике к юбилею Храма Христа

Спасителя. По свидетельству А.Д. Билимовича, Спекторский пытался восстанавливать свои «Воспоминания», утраченные при бегстве из Югославии¹⁷⁶.

Большой заслугой Спекторского было участие в создании и затем председательствовании в Русской академической группе в США (русской секции Ассоциации американских и иностранных ученых), существующей до сих пор. Шестого декабря 1948 г. Спекторский писал Вернадскому: «По инициативе бывших профессоров университета Унры (UNRRA, United Nations Relief and Rehabilitation Administration; Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций. – С.М., Е.Т.) в Мюнхене здесь учреждается международное общество ученых, преимущественно прибывших из Европы. Задачи: взаимопомощь, помощь коллегам в Европе и студентам в Америке, лишенным возможности поступить в местные университеты»¹⁷⁷. С началом выхода «Записок» группы в 1967 г. в них были опубликованы семь работ Спекторского, или вовсе не вышедшие ранее, или печатавшиеся в мало-доступных изданиях¹⁷⁸.

В декабре 1950 г. Спекторский явился организатором празднования 80-летия крупнейшего русского философа, также эмигранта в США, Николая Онуфриевича Лосского¹⁷⁹. Самому Спекторскому в том же году исполнилось 75 лет. К юбилею была подготовлена статья многолетнего коллеги ученого по Киевскому университету и по эмиграции, А.Д. Билимовича¹⁸⁰. Однако пока статья готовилась к печати, жанр ее изменился – из юбилейной в некролог. Спекторский скончался 3 марта 1951 г. на 76-м году жизни. Несмотря на солидный возраст, смерть Спекторского была внезапной – он упал, оступившись на лестнице в театре, ударился головой. Возникло кровоизлияние в мозг, через несколько дней он умер. Шестого марта Спекторский был похоронен на кладбище Св. Тихоновского монастыря в Саут-Кейнани в штате Пенсильвания¹⁸¹. «Траурные песнопения православной церкви проводили Спекторского к месту его вечного упокоения на чужбине»¹⁸². Вскоре умерла его жена. По свидетельству Кирилла Тарановского (выдающегося русско-американского филолога, сына близкого друга Спекторского Ф.В. Тарановского), никаких потомков у них не осталось¹⁸³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К настоящему времени до некоторой степени исследованы общественно-политические, философские и правовые воззрения Е.В. Спекторского (см., например: *Щеголов В.В., Щеглова Л.В.* Философский портрет Е.В. Спекторского // ВМУ. Сер. 7: Философия. 1997. № 4. С. 3–12; *Кунцын А.С.* Е.В. Спекторский: личность и творчество // Правоведение. 2008. № 3. С. 200–212; *Ткаченко Е.В.* Общественно-политические взгляды Е.В. Спекторского. Брянск, 2009. См. также: *Ермичев А.А.* Е.В. Спекторский (1875–1951): биобиблиографическая справка // Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006. Т. II. С. 506–513).

² APW. Z. 241 (Cesarski Uniwersytet w Warszawie). S. 659. K. 3.

³ Ibid. K. 27.

⁴ См. подробнее: *Михальченко С.И.* Юридический факультет Варшавского университета, 1869–1917: Краткий исторический очерк. Брянск, 2000.

⁵ О нем подробнее см.: *Михальченко С.И.* А.Л. Блок: страницы биографии и творчества // Право: история, теория, практика: сб. ст. и материалов / Отв. ред. И.А. Тарасова. Брянск, 1999. Вып. 3. С. 191–197.

⁶ *Спекторский Е.В.* Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911. С. 11–12.

⁷ *Спекторский Е.В.* Воспоминания // FSO. F. 30.230. Kart. II. J. 103. Здесь и далее ссылки даются на листы, пронумерованные самим Е.В. Спекторским и оставленные без изменений немецкими архивистами.

⁸ Там же. J. 106–107. Подробнее о взаимоотношениях учителя и ученика см.: *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Е.В. Спекторский и А.Л. Блок: история взаимоотношений // Lubelskie materialy neofilologiczne. Lublin, 2008. T. 32. S. 58–73.

⁹ Письма отца к Блоку // Александр Блок: Новые исследования. М., 1981. С. 272 (Литературное наследство; т. 92, вып. 1).

¹⁰ Цит. по: Письма Блока к Е.В. Спекторскому // Александр Блок: Новые исследования. М., 1981. С. 299 (Литературное наследство; т. 92, вып. 2).

¹¹ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 277.

¹² *Galis A.* Osiemnaście dni Aleksandra Bloka w Warszawie. Warszawa, 1976.

¹³ *Ibid.* S. 188–194.

¹⁴ Цит. по: Письма Блока к Е.В. Спекторскому. С. 299.

¹⁵ Там же. С. 306. Отдельным изданием неоконченная поэма «Возмездие» вышла только в 1922 г.

¹⁶ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 280.

¹⁷ *Быков Д.* Пастернак. М., 2006. С. 340–341.

¹⁸ *APW. Z.* 241. S. 659. К. 14–14 а; S. 482. К. 191.

¹⁹ С.И. Шоломова ошибочно датирует оставление Е.В. Спекторского 1900 годом (см.: Письма Блока к Е.В. Спекторскому. С. 297).

²⁰ *APW. Z.* 241. S. 483. К. 24–25 об.

²¹ *Ibid.* S. 660. К. 7.

²² Е.В. Спекторский просил засчитать ему службу в Варшаве как переведенному туда русскому чиновнику, что давало повышение пенсии, но ему отказали, так как он учился в Варшаве и сразу же там стал работать. Спекторский также хотел, чтобы ему засчитали оставление при университете как пребывание в распоряжении министерства, так как он провел это время в Санкт-Петербурге, но и здесь власти не пошли ему навстречу (*Ibid.* S. 660. К. 47 об.).

²³ Спекторский вспоминал: «Много времени уходило написание для студентов курса, ибо я не доверял их записям и считал, что легче написать самому свой курс, чем биться над исправлением и переложкой составленного другими текста. К тому же, по традиции Блока, я придавал большое значение форме изложения. Из-за этого задержалась моя магистерская диссертация» (*Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 207).

²⁴ *Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006. Т. 1. С. 5–6.

²⁵ Там же. С. 6.

²⁶ ВУИ. 1903. № 5. С. 1–26.

²⁷ Записки Общества истории, филологии и права при Варшавском университете. 1904. Вып. 3. С. 59–83.

²⁸ Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / Под ред. Б.А. Чагина. Л., 1978. С. 39.

²⁹ ВФП. 1904. Кн. 72. С. 143–161.

³⁰ Там же. 1905. Кн. 78. С. 384–411.

³¹ *Щелов В.В., Щелова Л.В.* Указ. соч. С. 7. См. также: *Гаврилов И.Б.* Анализ кантианства в трудах Е.В. Спекторского // Вестник ИНЖЭКОНа. Сер.: Гуманитарные науки. 2004. № 1 (2). С. 45–53.

³² *Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. С. 6.

³³ Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. Ярославль, 1909. Вып. II. С. 331–357.

³⁴ Записки Общества истории, филологии и права при Варшавском университете. 1909. Вып. 4. С. 81–149.

³⁵ *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 135.

³⁶ *APW. Z.* 241. S. 483. К. 283.

³⁷ *Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. С. 9. Анализ сочинений Спекторского по истории социальной физики см.: *Герасимов Н.И.* Е.В. Спекторский как историк «социальной физики» // История философии. 2016. Т. 21, № 1. С. 116–127; *Щеголова Л.В.* Идея рациональной социологии у Е.В. Спекторского // Славянский вклад в мировую цивилизацию: материалы международной конф. / Науч. рук. Л.А. Шестак. Волгоград, 2017. С. 136–142.

³⁸ *Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. С. 8.

³⁹ *Радлов Э.Л.* Очерк развития русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки русской философии / Сост., Вступ. ст., прим. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск, 1991. С. 96–216; *Яковенко Б.В.* Тридцать лет русской философии (1900–1929) // Философские науки. 1991. № 10. С. 67.

⁴⁰ *Сорокин П.А.* Русская социология в XX в. // Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб., 2000. С. 35–36. По мнению исследователя творчества Сорокина, И.А. Голосенко, Сорокин часто упоминал труды Спекторского наряду с трудами других «старых социологов» – М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого и др. (см.: *Голосенко И.А.* Питирим Сорокин как историк мировой и русской социологии // Сорокин П.А. О русской общественной мысли. С. 5–20).

⁴¹ *Хвостов В.М.* Социология. М., 1917. С. 226.

⁴² Протоколы заседаний историко-филологического отделения Российской Академии наук. 1918 / С прил. перечня заседаний и алфавитного указателя. [Пгт., 1918]. С.258, 262.

⁴³ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 313.

⁴⁴ Там же. Л. 286–287.

⁴⁵ *Ульяновский В., Короткий В., Скиба О.* Останній ректор університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський. Київ, 2007. С. 151–152.

⁴⁶ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 360.

⁴⁷ *Паустовский К.Г.* Беспокойная юность // Паустовский К.Г. Собр. соч. В 8 т. М., 1968. Т. 4. С. 275–276.

⁴⁸ Подробнее см.: *Михальченко С.И.* К истории Общества истории, филологии и права при Варшавском университете // Российские университеты в XVIII–XX веках / Отв. ред. В.И. Чесноков. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 146–153.

⁴⁹ *Шурляков С. К.* История философских обществ в Киеве (киевские Религиозно-философское и Научно-философское общества) // Философская и социологическая мысль (Киев). 1993. № 7–8. С. 165.

⁵⁰ *Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. Киев, 1917. Т. 2.

⁵¹ *Спекторский Е.В.* Естественное право у протестантских авторов XVI века // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. 1914. Вып. I–II. С. 113–152; *он же.* Происхождение протестантского рационализма // Записки Общества истории, филологии и права при Варшавском

университете. Варшава, 1914. Вып. 7. С. 115–181; *он же*. Протестантство и рационализм в XVI–XVII столетиях // ВУИ. 1914. № 3. С. 1–105; *он же*. Номинализм и реализм в общественных науках // ЮВ. 1915. Кн. IX (I). С. 5–44; *он же*. Физичизм и свобода в рациональной психологии XVII века // ВФП. 1915. Кн. 130 (V). С. 461–498; *он же*. Происхождение идеи общего или универсального права // ЖМНП. 1916. № 11. С. 33–57 отд. паг.

⁵⁰ ИР НБУ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 210. Л. 1.

⁵¹ Там же. Д. 256. Л. 1 об. См. также: *Гаврилов И.Б., Иванов И.А.* Анализ философии протестантизма в трудах Е.В. Спекторского // Христианство и культура: сб. науч. тр. / Ред. Е.А. Гусева. СПб., 2007. Вып. 3. С. 233–251.

⁵² *Алексеев Н.Н.* В бурные годы: воспоминания. Ч. 1 (неопубликованный текст).

⁵³ ИР НБУ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 210. Л. 3.

⁵⁴ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 324–325. Н.Н. Алексеев со своей стороны вспоминал об этом событии в собственных мемуарах: «Я был вторым оппонентом (официальным) на его докторском диспуте в мае 1917 года, первым оппонентом был Новгородцев. В взболомученной Москве весны 1917 года диспут о “социальной физике” XVII века (такова была тема диссертации Спекторского) мало кого интересовал. Диспут прошел скудно при небольшом количестве публики. Существовал такой обычай, что профессор, защитивший докторскую диссертацию, должен угощать факультет обедом в хорошем ресторане. Тогда в мае 1917 г. такие рестораны еще существовали в Москве, но настроение у всех было встревоженное, не до обедов. Обед решено было отменить, однако Спекторский пригласил пообедать вместе двух оппонентов, Новгородцева и меня. Мы отправились в ресторан отеля Метрополь на бывшей Театральной Площади. Оказалось, что бастует вся ресторанный прислуга, и мы могли добыть только бутылку Калининского клюквенного кваса, которым мы и поздравили нового доктора государственного права» (*Алексеев Н.Н.* В бурные годы: воспоминания. Ч. 1 (неопубликованный текст)).

⁵⁵ ДАК. Ф. 16. Оп. 463. Д. 4816. Л. 17.

⁵⁶ Там же. Л. 70.

⁵⁷ *Спекторский Е.В.* Столетие Киевского университета св. Владимира // Alma Mater: Университет св. Володимира напередодні та в добу Української революції, 1917–1920: Матеріали, документи, спогади / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. Київ, 2000. Кн. 1. С. 59.

⁵⁸ Дневник и воспоминания киевской студентки // Архив русской революции. М., 1993. Т. 16. С. 209.

⁵⁹ *Полетика Н.* Виденное и пережитое: Из воспоминаний. Tel Aviv, 1982. С. 80.

⁶⁰ Alma Mater: Университет св. Володимира напередодні та в добу Української революції, 1917–1920: Матеріали, документи, спогади / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. Київ, 2001. Кн. 2. С. 115.

⁶¹ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 357.

⁶² *Алексеев Н.Н.* В бурные годы: воспоминания. Ч. 2 (неопубликованный текст).

⁶³ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 339, 340.

⁶⁴ *Войнов Н.* L'Université de Kiev sous le régime soviétique (1919) // Revue internationale de l'enseignement (Paris). 1929. № 5-6. P. 137. То же в несколько иной интерпретации см.: *Войнов Н.М.* Сквозь череду потерь: Воспоминания / Сост. О.Б. Смирнов. М., 2017. С. 313.

⁶⁵ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 387.

⁶⁶ Там же. Л. 407.

⁶⁷ Там же. Л. 416–418.

⁶⁸ Там же. Л. 420–421.

⁶⁹ Там же. Л. 426.

⁷⁰ Об эвакуации Одессы см.: *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы // Русский исход / Отв. ред. Е.М. Миронова. СПб., 2004. С. 168–170.

⁷¹ *Заварин А.А.* Сербский период // Славянский альманах, 2002 / Отв. ред. М.А. Робинсон. М., 2003. С. 513.

⁷² Архив Србије. III. 7448/1924; ГАРФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 3 об.

⁷³ *Dedijer V., Božić I., Ćirković S., Ekmečić M.* History of Yugoslavia. N.Y., 1974. P. 533.

⁷⁴ См.: *Тарле Г.Я.* История адаптации российских эмигрантов в литературе 1990-х гг.: Эволюция понятий // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.): Исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 2006. С. 39.

⁷⁵ *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии, 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии / Редкол.: А. Арсеньев и др. М., 1996. С. 137.

⁷⁶ *Козитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945). Харьков, 1996. С. 331. См. также: *Зеньковский В.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.): Воспоминания / Публ. текста и ред. М.А. Колеров. М., 1995. С. 196–197; *Маевский В.* Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. Т. II. С. 256.

⁷⁷ *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939 / Пер. с англ. А. Ратобильской. М., 1994. С. 88.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 34. Л. 23–23 об.

⁷⁹ Там же. Л. 5–5 об.

⁸⁰ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 565.

⁸¹ «Тот факт, что русские профессора принимались в балканские университеты лишь на службу по контракту, приводил к тому, что некоторые из них задерживались в новой среде на непродолжительное время, часто меняли место проживания и трудоустройства» (*Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940 / Пер. с серб. А.Ю. Тимофеева. М., 2005. С. 333).

⁸² ГАРФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 1.

⁸³ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 593.

⁸⁴ *Еришов В.Ф., Курамина Н.В.* Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920–1930 годов // Изв. 2004. Т. 7 (125). С. 217–218.

⁸⁵ Поступивший на факультет Д.И. Мейснер, например, избрал его, а не какой-либо чехословацкий вуз, будучи уверенным, что закончит образование на родине (*Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта М., 1966. С. 168).

⁸⁶ На факультете были образованы, наряду с 12 традиционными кафедрами и 8 дополнительных, в т.ч. советского права, логики, психологии, экономической географии и др. (см.: *Еришов В.Ф., Курамина Н.В.* Указ. соч. С. 213. См. также: *Ганин В.В.* Государственная политика в области подготовки юридических кадров России (конец XIX – XX вв.). Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2003. С. 23–24).

⁸⁷ Цит. по: *Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // Пацуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 216–217. См. также: *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 125–126.

⁸⁸ Магистрами стали М.А. Циммерман (в 1926 г. за диссертацию «Вмешательство и признание в международном праве») и М.В. Шахматов (в 1927 г. за сочинение «Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти») (*Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу: С. 221).

⁸⁹ См. подробнее: Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика: по материалам международной науч. конф. [Отв. ред. М.Г. Вандалковская]. М., 2005. ⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 7–7 об.

⁹¹ Там же. Л. 8.

⁹² Подробнее см.: *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Научная и преподавательская деятельность Е.В. Спекторского в Праге (1924–1928 гг.) // *Slavia (Praha)*, 2011. Рос. 80, sessit 2-3. S. 198–205.

⁹³ Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926–27 уч. год с общим обзором его пятилетней деятельности (1922–1927). Прага, 1927. С. 17.

⁹⁴ В Карловом университете (чешском университете Праги, т.к. существовал еще немецкий университет) читались лекции на разных языках. Это особенно было характерно для 1920–1930-х гг. для философского факультета, когда там оказалось много профессоров из России, а также из Югославии и других славянских стран. Причем русские профессора чаще читали лекции на русском (см.: *Андреев Н.Е.* Пражские годы // *Новый мир*. 1994. № 11. С. 141–142). Тем больше заслуга Спекторского, который смог освоить и чешский настолько свободно, чтобы читать на нем лекции.

⁹⁵ Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926–27 уч. год. С. 15–16, 29. Среди тем публичных лекций: «Образование юридических понятий», «Место Бэкона в истории идей», «К характеристике Чаадаева», «Современные науки и религия», «Общество и государство», «Эволюция мировоззрения и христианство», «Славянский подвиг России», «Старый и новый спинозизм».

⁹⁶ *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 346.

⁹⁷ *Бондарева Е.А.* Сотрудничество Пражского и Белградского русских научных центров // Т.Г. Масарик и «Русская акция»... С. 128–129.

⁹⁸ *Зеньковский В.В.* Е.В. Спекторский // *Русская религиозно-философская мысль XX века: сб. ст. / Под ред. Н.П. Полторацкого.* Питтсбург, 1975. С. 318.

⁹⁹ *Ильин И.А.* Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собр.соч. В 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 292.

¹⁰⁰ *Архангельский В.* «Средний человек» о христианстве и культуре // *Воля России (Прага)*, 1925. № 2. С. 233.

¹⁰¹ *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.; Ростов-на-Дону, 1999. Т. 2. С. 527.

¹⁰² *Зеньковский В.В.* Е.В. Спекторский. С. 317. См. также: *Ткаченко Е.В.* Общественно-политические взгляды Е.В. Спекторского; *Щеглов В.В.* Христианская интерпретация культуры в наследии Е.В. Спекторского // *Известия Волгоградского гос. пед. у-та*, 2009. № 8. С. 4–8.

¹⁰³ Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1. С. 80–101.

¹⁰⁴ Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 53–64.

¹⁰⁵ *Спекторский Е.В.* Пособие к лекциям по истории философии права. Прага, 1925. Т. II. По воспоминаниям Н.Н. Алексеева, при факультете было создано специальное издательство для выпуска в свет учебных пособий профессоров (*Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу: С. 223).

¹⁰⁶ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 621.

¹⁰⁷ *Еришов В.Ф., Курамина Н.В.* Указ. соч. С. 209.

¹⁰⁸ *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь / Подгот. текста, Вступ. ст. и коммент. Е.П. Борзовой, А.Ф. Замалеевой. СПб., 1994. С. 244.

¹⁰⁹ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 727.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 9.

¹¹¹ Цит. по: *Козлитин В.Д.* Указ. соч. С. 332–333.

¹¹² Цит. по: *Пацуто В.Т.* Указ. соч. С. 79.

¹¹³ О деятельности института см., например: *Тесемников В.А.* Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. З.С. Ненашева. М., 1991. С. 172–182; *он же.* Организации и объединения русских эмигрантов в Белграде (1920–1941) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: сб.: к 60-летию проф. Моск. ун-та Г.Ф. Матвеева / Отв. ред. З.С. Ненашева. М., 2003. С. 184–210.

¹¹⁴ *Азаров Ю.Л.* Диалог поверх барьеров: Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940). М., 2005. С. 172–173.

¹¹⁵ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 834–835.

¹¹⁶ *Brglez A., Seljak M.* Rusja na Slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letih 1920–1945. Ljubljana, 2008. S. 219–223.

¹¹⁷ *Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу. С. 220.

¹¹⁸ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 867–868.

¹¹⁹ См. подробнее: *Михальченко С.И.* Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // *ОА*, 2011. № 6. С. 64–68.

¹²⁰ См.: *Билимович А.Д.* Русская матица. Люблина, 1924; *Pulko R.* Ruski emigranti na Slovenskem, 1921–1941. Logatec, 2004. S. 49–55.

¹²¹ Е.В. Спекторский констатировал в письме Г.В. Флоровскому: «Я стал, к сожалению, сербским и словенским автором. После выхода наших “Материалов для библиографии” (т.е. после 1931 г. – С.М., Е.Т.) я опубликовал 84 (!) работы. Но преимущественно по-сербски» (Princeton. G. Florovsky papers. Box 35, folder 55. Письмо Е.В. Спекторского Г.В. Флоровскому от 10 июля 1936 г.).

¹²² *Spektorski E. Zgodovina socialne filozofije.* Ljubljana, 1932. Zv. 1: Od starega veka do XIX. stoletja; 1933. Zv. 2: Devetnajsto stoletje in začetek dvajsetega. А.Д. Билимович в некрологе Спекторского специально отметил, что «эта ценная, насыщенная материалом книга не нашла издателя для напечатания на русском языке» (*Билимович А.Д.* Памяти профессора Е.В. Спекторского // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1970. Т. 4. С. 155).

¹²³ *Спекторский Е.В.* Столетие Киевского Университета св. Владимира: 1834–1934. Белград, 1935.

¹²⁴ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 839–840.

¹²⁵ *Pulko R.* Op. cit. S. 48. Кроме того Е.В. Спекторский с 1930 г. был действительным членом Славянского института в Праге

¹²⁶ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Л. 389.

¹²⁷ *Козитин В.Д.* Указ. соч. С. 226–227.

¹²⁸ *Прияшников Б.* Новопоколенцы. Силвер Спринг, 1986. С. 122.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 45. Л. 27.

¹³⁰ НИА. Р. Struve papers. Box 11, folder 40 «Letters of Spektorskii».

¹³¹ Письма П.Б. Струве Е.В. Спекторскому см.: Arhiv Republike Slovenije. Fond AS 1901. См. также: *Михальченко С.И.* Документы русской эмиграции первой волны в архивах Словении // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: материалы межгосударственной науч. конф. 5–8 июля 2010 г. (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде [Редкол.: А.В. Антохов (пред.) и др.]. Брянск, 2010. С. 202–209.

¹³² *Спекторский Е.В.* Белое движение // Возрождение (Париж). 1926. 19 нояб. № 535. С. 1.

¹³³ *Спекторский Е.В.* Речь 6 мая 1928 г. [Памяти генерала Врангеля] // Новое время (Белград). 1928. 9 мая. № 2104. С. 4–5.

¹³⁴ *Pulko R.* Op. cit. S. 72.

¹³⁵ НИА. М.Д. Vrangelj collection. Box 17, folder 33 «Letters of Spektorskii»; Box 18, folder 11 «Letter of E. Spektorskii».

¹³⁶ За три года до этого, в письме Г.В. Флоровскому Е.В. Спекторский жаловался: «Все очень грустно. Эмиграция разлагается. Россия загадочно молчит. В личной жизни – старость. Мне уже 58 ½ лет» (Princeton. G. Florovsky papers. Box 35, folder 55. Письмо Е.В. Спекторского Г.В. Флоровскому от апреля 1934 г.).

¹³⁷ Princeton. G. Florovsky papers. Box 35, folder 55. Письмо Е.В. Спекторского Г.В. Флоровскому от 9 апреля 1939 г.

¹³⁸ *Алексеева Л.* Из воспоминаний о Белграде // Русский альманах = Almanach russe / Сост.: 3. Шаховская, Е. Терновский, Р. Герра. Париж, 1981. С. 368.

¹³⁹ *Козитин В.Д.* Указ. соч. С. 377–390.

¹⁴⁰ *Габрич А., Чепич З.* Развитие словенской государственной идеи в 1941–1991 гг. // Словения: Путь к самостоятельности: документы / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова, А. Габрич. М., 2001. С. 56–57.

¹⁴¹ *Бубнов Н.М.* Воспоминания. С. 458.

¹⁴² *Габрич А., Чепич З.* Развитие словенской государственной идеи в 1941–1991 гг. С. 56–57. См. также: *Kirk T.* Limits of Germanism: Resistance to the Nazi; Annexation of Slovenia // The Slavonic & East European Review. 1991. Vol. 69, № 4. P. 646–667.

¹⁴³ *Пилько Н.С.* Словения в годы оккупации, 1941–1945. СПб., 2009. С. 141–142.

¹⁴⁴ Univerza v Ljubljani. Arhiv. CV E. Spektorskii.

¹⁴⁵ *Spektorski E.* Sociologija in filozofija. Ljubljana, 1943; *idem.* Evrazijsstvo in boljševezem. Ljubljana, 1944.

¹⁴⁶ Arhiv Republike Slovenije. Fond AS 1931.1053. 1315-5.

¹⁴⁷ См.: *Вербицкий Г.Г.* Выдача в Лиенце // Новый часовой (СПб.). 1996. № 4. С. 173.

¹⁴⁸ Премров Бранко (Premrov Branko; 1909–1986) – словенский юрист.

¹⁴⁹ Фелициан Иосип (Felicijan Josip; 1916–1993) – историк права. После 1945 г. в эмиграции, с 1951 преподавал в университете в Огайо (США).

¹⁵⁰ *Спекторский Е.В.* Летопись-ХIII. 7/IV.1944– // Arhiv Republike Slovenije. Fond AS 1021. Šulgin Dimitrij Vas. S. 77.

¹⁵¹ Ibid. S. 85.

¹⁵² Об этом см.: *Билимович А.Д.* Памяти профессора Е.В. Спекторского. С. 153. Официальное увольнение Е.В. Спекторского из Люблинского университета состоялось 10 августа 1945 г. (*Pulko R.* Op.cit. S. 48).

¹⁵³ *Билимович А.Д.* Памяти профессора Е.В. Спекторского. С. 153. В.А. Тесемников ошибочно указывает только лагерь в Триесте (ср.: *Тесемников В.А.* Русские профессора Белградского университета // Педагогика. 1998. № 5. С. 84).

¹⁵⁴ В.А. G. Vernadsky papers. Box 66, folder «Spektorskii, E.V.».

¹⁵⁵ Das Archiv des Internationalen Suchdienstes (Bad Arolsen). Reg. card. I00099555 «Spektorsky».

¹⁵⁶ В.А. G. Vernadsky papers. Box 66, folder «Spektorskii, E.V.».

¹⁵⁷ Подробнее см.: *Толстой Н.* Жертвы Ялты. Париж, 1988. См. также: *Тарле Г.Я.* Российская эмиграция в 1940–1950-е годы // Россия и современный мир. 1999. № 3 (24). С. 108–129.

¹⁵⁸ Например, известный литератор Б. Ширяев не мог покинуть лагерь в Италии в течение пяти лет. Для получения разрешения на выезд им было предпринято «37 посещений офисов по вызову, к ним 102 регистрации. Медицинских процедур 21... К ним 62 регистрации. Присяга американскому флагу в том, что я не мошеник. Десять отпечатков каждого пальца на тот случай, если я мошеник» (*Альмов А. [Ширяев Б.] Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. С. 258.*)

- ¹⁵⁹ См.: *Лисовский Ю.П.* Италия от фашизма к демократии: Трудные пути послевоенной перестройки. М., 1990. С. 90; *История Италии / Отв. ред. С.Д. Сказкин.* М., 1971. Т. 3 / Под ред. С.И. Дорофеева. С. 231–273.
- ¹⁶⁰ *Спекторский Е.В.* Правительство и власть // *Записки Русской академической группы в США.* Нью-Йорк, 1968. Т. 2. С. 29.
- ¹⁶¹ *BA. G. Vernadsky papers.* Box 66, folder «Spektorskii, E.V.». Письмо от 9.11.1945 г.
- ¹⁶² *Зеньковский В.В.* Мои встречи с выдающимися людьми // *Зеньковский В.В.* Из моей жизни: Воспоминания / Сост., подгот. текста О.Т. Ермашина. М., 2014. С. 283.
- ¹⁶³ *Ульянкина Т.И.* Русские ученые-эмигранты в лагерях Ди-Пи и Толстовский фонд (США) // *Нестор (СПб).* 2005. № 9. С. 307–312.
- ¹⁶⁴ National Archives & Records Administration. Passenger Arrival Record (NATF 81).
- ¹⁶⁵ *A Legacy of Excellence: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary, 1938–1988.* N. Y., 1988. См. также: *Лосский Н.О.* Указ. соч., с. 324. Значительную роль сыграл в преобразовании семинарии в академию философ Г.П. Федотова (*Антощенко А.В.* Роль Г.П. Федотова в преобразовании Свято-Владимирской духовной семинарии в академию // *Уч. зап. Петрозаводского гос. у-та. Сер.: «Общественные и гуманитарные науки».* 2016. № 7, ч. 2. С. 7–15).
- ¹⁶⁶ *A Legacy of Excellence.* P. 11.
- ¹⁶⁷ *Нитобуре Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этноисторический очерк. М., 2005. С. 166–176.
- ¹⁶⁸ *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 403.
- ¹⁶⁹ И.А. Ильин – вел. кн. Владимиру Кирилловичу, 6 ноября 1950 г. // *Ильин И.А.* Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954) / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 1999. С. 142.
- ¹⁷⁰ Курс лекций был позднее издан: *Спекторский Е.В.* Христианская этика: Лекции, прочитанные в Свято-Владимирской Духовной академии в Нью-Йорке в 1950/51 акад. году // *Записки Русской академической группы в США.* Нью-Йорк, 1980. Т. 13. С. 77–190.
- ¹⁷¹ Любопытно, что в одном из некрологов Спекторский был охарактеризован именно как «крупный специалист по церковному праву», остальные заслуги к 1951 г. в общественном мнении забылись (Посев (Франкфурт-на-Майне). 1951. 25 марта. № 12. С. 16).
- ¹⁷² *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 324.
- ¹⁷³ *Арсеньев Н.* Памяти Е.В. Спекторского // *Возрождение (Париж).* 1951. Тетр. 16. С. 199.
- ¹⁷⁴ И.А. Ильин – вел. кн. Владимиру Кирилловичу, 6 ноября 1950 г. С. 142.
- ¹⁷⁵ *Билимович А.Д.* Памяти профессора Е.В. Спекторского. С. 156.
- ¹⁷⁶ *Билимович А.Д.* Профессор Е.В. Спекторский // *День русского ребенка (Сан-Франциско).* 1952. Вып. XIX. С. 133.
- ¹⁷⁷ *BA. G. Vernadsky papers.* Box 66, folder «Spektorskii, E.V.».
- ¹⁷⁸ *Спекторский Е.В.* Свобода и детерминизм // *Записки Русской академической группы в США.* Нью-Йорк, 1967. Т. 1. С. 153–159; *он же.* Правительство и власть // *Там же.* 1968. Т. 2. С. 29–30; *он же.* Три типа реальности // *Там же.* 1969. Т. 3. С. 81–92; *он же.* Эпохи русской культуры // *Там же.* 1970. Т. 4. С. 162–182; *он же.* Духовное наследие XIX века // *Там же.* 1971. Т. 5. С. 253–259; *он же.* Значение философии Н.О. Лосского // *Там же.* 1976. Т. 10. С. 127–132; *он же.* Христианская этика. Лекции... // *Там же.* 1980. Т. 13. С. 77–190. Сам Е.В. Спекторский считал свое сочинение по этике «трудом всей жизни» (Princeton. G. Florovsky papers. Box 35, folder 55. Письмо Е.В. Спекторского Г.В. Флоровскому от 22 августа 1935 г.).
- ¹⁷⁹ *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 329.
- ¹⁸⁰ *Билимович А.Д.* Профессор Е.В. Спекторский // *День русского ребенка.* 1952. Вып. XIX. С. 129–134.
- ¹⁸¹ *Русско-Американский православный вестник.* 1951. Март. С. 41.
- ¹⁸² *Билимович А.Д.* Профессор Е.В. Спекторский. С. 134.
- ¹⁸³ См. письмо К. Тарановского А. Галису (*Galis A. Op.cit.* S. 194). Сравнительно хорошо известна биография старшего брата Спекторского, Александра. Он родился в 1862 г. Участвовал в революционном движении со студенческих времен, находился в ссылке в Архангельской губернии (в 1898–1904 гг.), потом проживал в Санкт-Петербурге, в 1906 г. участвовал в губернской съезде эсеров в Пскове, выдан провокатором, с 1909 по 1914 в ссылке в Канске, затем проживал в Новониколаевске, в феврале 1917 г. редактировал газету в Кургане, осенью в Барнауле организовал газету «Луч». Во время чешского мятежа был арестован как большевик, погиб при попытке к бегству в ноябре–декабре 1918 г. У Александра было четверо детей: жена и Вася от первой жена и Лев и Алевтина от второй. В ГАРФ сохранилось посмертное личное дело персонального пенсионера А.В. Спекторского. Пенсия выплачивалась его детям от второго брака (их мать, Елизавета Ануфриева, умерла от туберкулеза в 1925 г.). Выплата была прекращена в 1934 г. На тот момент Лев закончил дорожный техникум и работал в совхозе, а Аля училась на 3 курсе Института советского права НКЮ (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 9097. Л. 1–11). К середине 1930-х гг. оставался в живых брат Е.В. Спекторского, Сергей (Одесская область), которому Е.В. помогал материально. В письме Г.В. Флоровскому от 30 августа 1934 г. он писал: «в силу стечения неблагоприятных родственных обстоятельств мне приходится жить на четыре дома (один из них в советской России, где мой единственно уцелевший брат погиб бы с голоду без моей ежемесячной поддержки)» (Princeton. G. Florovsky papers. Box 35, folder 55. Письмо Е.В. Спекторского Г.В. Флоровскому от 30 августа 1934 г.).

С.И. Михальченко

О воспоминаниях Е.В. Спекторского

История создания «Воспоминаний» Е.В. Спекторского может быть восстановлена лишь предположительно. Вероятно, основной корпус текста был написан в конце 1930–1940-х годах – в тексте мемуаров несколько раз встречаются ссылки на текущий момент, что позволяет настаивать на этом тезисе. Так, например, при рассказе о пражских годах жизни Спекторский пишет: «Чешские руководители куражились еще и тогда, когда на страну надвигалась грозная катастрофа. Сейчас они остались у разбитого корыта. Понимают ли они хоть теперь свои ошибки?» (Л. 725) и далее: «Я с благодарностью вспоминаю проведенные в Праге годы. Теперь она переживает трудное время. Но недаром говорят, что счастье портит людей, а несчастье их улучшает и очищает. Палицкий писал, что чехи были до австрийцев и будут после них. Будут они и после постигшей их теперь катастрофы. Теперь им легче понять ошибки прошлого. И чем суровее они будут допрашивать свою совесть, тем достойнее будет их будущее» (Л. 728). Явно, речь идет о 1938–1939 гг.

Как уже отмечалось выше, мемуары – наряду с еще несколькими рукописями – были оставлены Спекторским в Любляне при его бегстве из Югославии. Далее их след теряется на более чем 60 лет. Обретение их и постепенное введение в научный оборот началось после 2008 г., когда публикатор и автор настоящих строк получил письмо от архивиста Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете Г.Г. Суперфина о том, что текст воспоминаний находится в архиве центра¹.

Фонды центра начали формироваться в позднесоветский период, с целью комплектования преимущественно материалов диссидентского движения в СССР и других социалистических странах. Таким образом, документы Спекторского, умершего в 1951 г. и к диссидентам не принадлежавшего, являются, в известной степени, исключением для архива. Обретение их архивом в середине 2000-х гг. связано с деятельностью тогдашнего архивиста центра, в прошлом советского филолога, ученика Ю.М. Лотмана, Г.Г. Суперфина, который сумел разглядеть в предложенных архиву жителем Дортмунда,

словенцем д-ром Владимиром Боначем, пожухлых от времени манускриптах ценнейший материал по истории русской эмиграции и – шире – по истории Европы конца XIX – первой трети XX в. вообще.

По свидетельству В. Бонача, с которым автор встречался в 2009 г., история их появления у него такова. В мае 1945 г., пешком покидая Люблян, Спекторский не мог взять с собой большой поклажи и вынужден был оставить большую часть вещей в Любляне. Вполне осознавая особую ценность ведшейся им в течение всей жизни поденной записи и не оконченных, но весьма обширных воспоминаний, а также рукописи многоотомного «Введения в социологию», он передал их на сохранение своей служанке, которая их спрятала под старой одеждой в шкафу у себя дома. Прошло время, Спекторский, испытав на себе тяготы пребывания в лагерях перемещенных лиц в Италии, в 1947 г. при помощи Толстовского фонда оказался в США. Несколько раз он связывался со служанкой, но она то ли в самом деле забыла, куда их спрятала, то ли боялась связей с эмигрантом, однако документы не вернула.

Как вспоминал А.Д. Билимович, в США Спекторский пытался восстановить мемуары, но не успел. Во всяком случае, не успел окончательно оформить заново². В историографии мемуары Е.В. Спекторского числились до сего времени утраченными³.

Далее события развивались следующим образом: в начале 1950-х гг. при разборе старых вещей, сын служанки Любо Бутинар наткнулся на манускрипты. Не испытывая к ним интереса, он передал их своему знакомому, бывшему студенту Спекторского (в 1939–1943 гг. по юридическому факультету Люблянского университета), а тогда уже служащему статистической организации В. Боначу. В начале 1960-х гг. Бонач, женившись на немке, уехал из Югославии в ФРГ. Так документы оказались в Дортмунде. Неоднократно, по его словам, Бонач предлагал их разным архивохранилищам – это были и словенские архивы, и архивы СССР, включая архив Академии наук. Ни одной из предложенных организаций документы ценными не показались. И только когда Бонач обратился в Исследовательский центр Восточной Европы, Г.Г. Суперфин смог оценить важность документов и убедить руководство института приобрести их у владельца.

Сейчас они хранятся в фонде F.30.230 (Bonač, Vladimir). Собственно, весь фонд Бонача представлен только документами Спекторского. Это «Введение в социологию» (Kart. I, № 1–6), «Воспоминания» (Kart. II), «Летопись IV (Белград 16/X 1930 – 22/XI 1930; Любляна 23/XI 1930 – 28/I 1932)» и «Летопись V (Любляна 29/I 1932 – 9/XII 1932)» (Kart. IV–V). Третий картон в фонде отсутствует.

«Воспоминания» – хранящиеся в пяти папках листы (пагинация лл. 42–929) тетрадного формата, причем заполнена рукописным текстом только левая половина каждого листа, правая сторона иногда содержит дополнения и исправления, оборот листа пустой. Текст хронологически охватывает собой всю жизнь Спекторского, от рождения и происхождения его семьи до начала 1930-х гг., причем текст обрывается на полуслове. Выяснить у Бонача, где первые страницы и было ли продолжение, не удалось. Текст содержит множество подробностей как частной жизни Спекторского, так и описание событий эпохи, свидетелем которых он был.

Начинается сохранившаяся часть текста с подробных описаний реалий польской жизни, свидетелем которых был мемуарист. В частности, он охарактеризовал занятия и место в экономике и управлении различных национальных групп

населения Царства Польского (поляков, русских, евреев, немцев). Особую ценность представляет то обстоятельство, что Спекторский оставил описание не только столичной (варшавской) жизни, но и провинциальной, в частности, радомской – именно туда, в небольшой (хотя и губернский) город Радом, был переведен его отец-юрист в 1888 г. Именно здесь будущий ученый окончил гимназический курс. Спекторский оставил подробное описание жизни гимназии, в которой он учился в Радоме – здесь и меткие характеристики учителей, и подробности учебного процесса, и зарисовки внеучебного быта гимназистов.

Особую страницу в жизни Спекторского составила учеба, а затем работа в Варшавском университете. Это учебное заведение в последнее время привлекает внимание отечественных исследователей: появились как общие характеристики его деятельности, так и анализ работы отдельных подразделений⁴. Но полной истории пока не создано. В этой связи подробные воспоминания Спекторского (причем относящиеся не только к юридическому факультету, где он учился и работал) вносят важный вклад в дело создания полной истории русского университета в Царстве Польском. Особенностью характеристик, дававшихся мемуаристом профессорам и сотрудникам университета, было внимание не только к их научной и общественной деятельности, но и к обстоятельствам личной жизни, при этом автор часто не стеснялся в описании деталей.

Будучи учеником профессора А.Л. Блока, Спекторский значительное внимание уделил фигуре этого неординарного человека, зафиксировав и свои встречи с его великим сыном.

Значительную часть воспоминаний составляют подробные описания заграничных научных поездок Спекторского: будучи оставленным для подготовки к профессорскому званию, он пользовался правом на командировки за рубеж, предоставлявшиеся дореволюционным «аспирантам». Длительному пребыванию Спекторского за границей способствовали и перерывы в работе Варшавского университета в период Первой русской революции. Большую часть времени Спекторский проводил в германских университетах (Марбург, Геттинген, Гейдельберг), его мемуары содержат характеристики известных философов и юристов начала XX в. – Г. Когена, П. Наторпа, П. Лабанда и многих других. Ученый бывал также во Франции, Италии, Швейцарии, скандинавских странах. Текст насыщен бытовыми зарисовками европейской жизни.

С 1914 по 1919 г. Спекторский преподавал в университете св. Владимира в Киеве, в 1918–1919 гг. он был последним избранным ректором этого высшего учебного заведения. Немало страниц воспоминаний в этой связи посвящено анализу описываемой переломной эпохи. Здесь, как и при описании Варшавского университета, множество характеристик профессоров и студентов, но, кроме этого, подробное описание событий революции и Гражданской войны на Украине. Спекторский был противником большевистского режима, поэтому его симпатии целиком на стороне Белой армии.

Описание эмигрантских лет (причем всего десяти – с 1920 по начало 1930-х гг.) занимает более половины текста мемуаров. Спекторский успел охарактеризовать свою жизнь в Белграде в 1920–1924 и 1927–1930-х гг., в Праге в 1924–1927 гг., переезд в Люблину и начало работы в местном университете. Поскольку события эмигрантской жизни были, по сути, современностью для автора, то степень

подробности здесь значительно выше, чем при воспоминаниях о российском периоде жизни. Структура текста здесь, в общем, такая же: подробная характеристика быта населения Королевства сербов, хорватов и словенцев / Югославии и Чехословакии, описание внутривосточной ситуации в этих государствах, рассказ о высших учебных заведениях, в которых преподавал мемуарист (Белградский и Люблянский университеты, Русский юридический факультет в Праге). Значительную (хотя, пожалуй, не большую) часть составляет описание жизни эмиграции, ее адаптации к новым условиям. Таким образом, этот раздел мемуаров представляет ценность как источник и по истории русского рассеяния, и по истории славянских стран Европы 1920-х гг.⁵

При знакомстве с мемуарами, конечно, возникает вопрос, насколько можно доверять достоверности этого источника, особенно учитывая степень подробности при описании тех или иных событий. Следует подчеркнуть, что Спекторский при создании «Воспоминаний» опирался не только на свою память, но и на ведущуюся со второй половины 1920-х гг. «Летопись» (дневник), куда делал записи практически ежедневно. До нас дошла «Летопись» за 1930–1932 гг. (она хранится в Бремене, частично уже вводилась в научный оборот словенскими историками) и обнаруженная автором в августе 2017 г. в фонде Дмитрия Шульгина в Архиве Республики Словения в Любляне летопись за май 1944 – май 1945 г. (Arhiv Republike Slovenije. Fond AS 1021. Šulgin Dimitrij Vas.). Дневник, бесспорно, помог при создании югославских страниц мемуаров. При этом, на нем есть пометка «Не для печати» и, в отличие от мемуаров, в нем присутствуют более резкие характеристики людей и событий. (Уместно здесь привести характеристику, данную Спекторскому В.В. Зеньковским: «Спекторский был типичным человеком “себе на уме”, всегда чувствовалось, что он весь себя не откроет, но в то же время определенно чувствовалось, что перед вами подлинный джентльмен, благородный, с хорошими академическими и житейскими привычками»⁶).

Источником страниц воспоминаний, посвященных Киеву в целом и университету св. Владимира в частности, в революционные годы, безусловно, послужила книга самого Спекторского «Столетие Киевского университета св. Владимира: 1834–1934» (Белград, 1935). Местами совпадение почти дословное. В 1929 г. вышла в свет и статья Н.М. Бубнова о событиях в Киеве в 1918–1919 гг.⁷, которая тоже могла быть использована Спекторским, тем более, что Бубнов также жил в Любляне.

При характеристике А.Л. Блока Спекторский использовал написанную им вскоре после кончины своего учителя брошюру «Александр Львович Блок, государствовед и философ» (Варшава, 1911).

В тексте, особенно при изложении событий эмиграции, часты ссылки на газетные и журнальные статьи. Еще одним источником является переписка. Спекторский и сам писал много писем, и получал их в достаточном количестве. В его фонде в Архиве Республики Словения в Любляне хранится эпистолярная записка за 1920–1930-е гг. (Arhiv Republike Slovenije. Fond AS 1901)⁸. Есть его письма и в других архивах в фондах ученых и деятелей культуры⁹. Письма наполнены важнейшей информацией о событиях, свидетелями которых были он сам и его корреспонденты.

Подробности мемуаров способствовали, несомненно, и особенности личности Спекторского, его скрупулезность как исследователя, его способность абстрагироваться от самых тяжелых событий жизни и переключаться

на научные занятия. Как писал Бубнов, характеризуя Спекторского, «этому «философу в жизни» достаточно было взять в руки какую-нибудь книгу, чтобы, погружившись в нее, забывать все окружающее»¹⁰.

Принимая во внимание все вышесказанное, все же не следует забывать, что перед нами, во-первых, текст, как и любые мемуары, весьма субъективный, а во-вторых, текст не законченный и не отредактированный автором. В рукописи постоянно встречаются дополнения, вставки, уточнения на полях, зачеркивания и т.п. Следует заметить, что в ряде мест на полях рукописи текста мемуаров неустановленное лицо сделало пометки карандашом, а также провело правку, зачеркнув неправильные, по его мнению, сведения о лицах, упоминающихся в тексте.

В заключение считаю своим долгом выразить благодарность всем, кто помогал на долгом пути подготовки рукописи к печати. Во-первых, Г.Г. Суперфину, а также директору Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете профессору Сюзанне Шаттенберг и архивисту Г. Потаповой, которые создали все условия для оперативного и комфортного ознакомления с рукописью мемуаров. Во-вторых, К.А. Бирюковой, осуществившей набор текста мемуаров. В-третьих, всем, кто помог в комментировании рукописи, наполненной немислимым количеством имен и разного рода реалий ушедшего времени: неумомому к.и.н. П.А. Трибунскому (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва), директору Библиотеки Академии наук и искусств Словении в Любляне Петре Виде Огрин и сотрудникам библиотеки, профессору Люблянского университета Б. Иванцу. Не могу не поблагодарить коллег по подготовке рукописей воспоминаний русских профессоров-эмигрантов к печати, позволивших мне ознакомиться с текстами до выхода книг в свет: публикатора мемуаров Н.М. Бубнова О.Б. Смирнова и готовящего к публикации мемуары юриста Н.Н. Алексеева коллектив в составе М. Байсвенгера, Н. Дмитриевой и П. Трибунского. Характеристики Спекторского, содержащиеся в этих мемуарах, позволили ярче представить образ ученого. Чрезвычайно полезным для автора было общение с сохранившим рукопись д-ром Владимиром Боначем, а также с близко знавшим Спекторского и упоминаемым в его мемуарах внуком друга Спекторского Ф.В., Тарановского, профессором Стэнфордского университета О.В. Жардецким. Искренняя признательность сербским историкам Б. Чуричу (Белград) и А. Арсеньеву (Нови-Сад), директору Славянской библиотеки в Праге Лукашу Бабке за помощь в комментировании, а также д-ру В. Янцену из Галле (Германия) за возможность ознакомления с некоторыми документами Е.В. Спекторского.

Текст мемуаров расшифровывался и комментировался при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00099.

По мере подготовки текста воспоминаний предпринимались как публикации отдельных отрывков (которые, однако, в общей сложности заключают в себе лишь незначительную долю общего текста¹¹), так и анализ мемуаров как исторического источника¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В русскоязычной литературе также употребляется следующее название: «Центр изучения стран Восточной Европы» (см.: *Климович Л.В.* Зарубежная архивная россика (фонды Архива Центра изучения стран

Восточной Европы при Бременском университете) // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.А. Сукьясин. Уфа, 2015. С. 68–70).

² Между тем, не вполне проясненным остается сюжет с попыткой издания текста мемуаров в «Издательстве им. Чехова» в Нью-Йорке в 1951–1952 гг. Как сообщил нам П.А. Трибунский, воспоминания Спекторского поступили в издательство 28 ноября 1951 г., вскоре после открытия издательства. В протоколе производственного совещания № 22 от 14 марта 1952 г. отмечено, что издательство перегружено мемуарами. В будущем будут приниматься только действительно важные мемуары, так, чтобы можно было достичь более уравновешенного списка. В случае с мемуарами Спекторского редакция считала необходимым уведомить автора, что издательство не сможет взять его рукопись в течение ближайших двух лет. К тому времени Спекторский уже год как скончался. Если он действительно смог восстановить текст, то передать его в издательство могла жена ученого. Так или иначе, других свидетельств попытки издания мемуаров (как и самого второго варианта текста) не обнаружено.

³ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: энциклопедический биографический словарь / Общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. С. 592–593.

⁴ См.: Иванов А.Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // ОИ. 1997. № 6. С. 23–33; Михальченко С.И. Юридический факультет Варшавского университета, 1869–1917 гг.; *он же*. Историко-филологический факультет Варшавского университета, 1869–1917 гг.: Очерк истории кафедр. Брянск, 2005; *Баженова А.Ю.* Историк Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин, 2014.

⁵ См. подробнее: Михальченко С.И. Славянская Европа 1920-х годов глазами русского эмигранта // Вестник Орловского гос. у-та. Сер.: «Новые гуманитарные исследования». 2011. № 2. С. 25–29.

⁶ *Зеньковский В.В.* Мои встречи. С. 281.

⁷ *Voubnov N.* Op. cit.

⁸ См. подробнее: Михальченко С.И. Документы русской эмиграции первой волны в архивах Словении.

⁹ См., например: Михальченко С.И. Письма Е.В. и Е.М. Спекторских Г.В. и Н.В. Вернадским в Бахметьевском архиве Библиотеки редких книг Колумбийского университета // Проблемы славяноведения / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 211–218.

¹⁰ *Бубнов Н.М.* Воспоминания. С. 351.

¹¹ *Спекторский Е.В.* Воспоминания / Вступ. ст., примеч. и коммент. С.И. Михальченко // Проблемы славяноведения / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2010. Вып. 12. С. 303–390; Воспоминания Е.В. Спекторского / Публ., вступ. ст. С.И. Михальченко // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2010. Vol. 3. P. 161–199; Polska końca XIX wieku we «wspomnieniach» Evgenja Vaslievicha Spektorskogo / Publ. S.I. Michalczenko // Res historica: Czasopismo Instytutu historii UMCS. Lublin, 2011. № 32. S. 137–158; Юридический факультет Варшавского университета рубежа XIX–XX веков в «Воспоминаниях» Е.В. Спекторского / Публ. С.И. Михальченко // Иск на святло лабырынтамі даўніх падзей: Зборнік памяці Вітала Скалабана / Ред. А. Сідарэвіч. Мінск, 2013. С. 400–431; *Спекторский Е.В.* Начало эмиграции (отрывок из «Воспоминаний») / Публ. С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко // Проблемы славяноведения / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2014. Вып. 16. С. 158–169; *он же*. Первые встречи за границей (1904) (отрывок из «Воспоминаний») / Публ. С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко // Историк, документ, цензура: Историко-методические и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики: сб. ст. к 60-летию со дня рождения д-ра ист. наук Валерия Федоровича Блохина: (доклады участников историко-методико-историографического семинара), Санкт-Петербург – Брянск, 19 янв. 2015 г. / Отв. ред. С.Г. Кашенко. СПб., 2015. С. 286–297.

¹² *Михальченко С.И.* Русский Юридический факультет в Праге в 1920-е годы (по неопубликованным материалам) // Материалы Международного научного конгресса «История семьи – история народа», состоявшегося в рамках Перекрестного года «Россия и Испания – 2011» в г. Сантьяго-де-Компостела, 23–25 нояб. 2011 г. / Редкол.: А. Досиль, М. Мохначева, Е. Ван Поведская, Сантьяго-де-Компостела, М.; Рязань, 2012. С. 270–275; *он же*. Чехословакия середины 1920-х годов (По неопубликованным «Воспоминаниям» Е.В. Спекторского) // На рубеже культур: Русская эмиграция в межвоенной Чехословакии: сб. ст.: памяти Марины Юрьевны Досталь (1947–2011) / Отв. ред. М.А. Робинсон. М., 2012. С. 90–97; *он же*. Политическая и конфессиональная жизнь межвоенной Югославии по мемуарам Е.В. Спекторского // Науч. ведомости Белгородского гос. у-та. Сер.: «История, политология». 2013. Т. 25, № 1. С. 120–126; *он же*. «Воспоминания» Е.В. Спекторского о религиозной жизни южных славян 1920-х – 1930-х годов // Религиоведение. 2013. № 4. С. 164–170; *он же*. Словакия и Подкарпатская Русь 1920-х гг. в «Воспоминаниях» Е.В. Спекторского // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М.; СПб., 2014. С. 147–151; *он же*. Неопубликованные «Воспоминания» Е.В. Спекторского как источник по истории евреев Царства Польского конца XIX века // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1. С. 171–175; *он же*. «Воспоминания» Е.В. Спекторского как источник по истории университетской жизни в годы Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 111–123; *он же*. Slovensko obdobje življenja Evgenja Vasiljeviča Spektorskoga (1930.leta): iz neobjavljenega gradiva // Monitor ISH. Revija za humanistike in družbene vede. Ljubljana, 2014. XVI/1. S. 177–193; *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Мемуары Е.В. Спекторского как источник по истории Варшавского университета конца XIX – начала XX в. // Вестник Брянского гос. у-та. 2014. № 2. С. 98–101; *они же*. Социально-гуманитарные факультеты Белградского университета 1920-х гг. глазами русского эмигранта // Там же. 2015. № 2. С. 178–180 и др.